

АНЬЕС МАРТЕН-ЛЮГАН

*Мы не могли
разминуться*

[roman]

CoRpus

Эта книга ставит жизненно важные вопросы и читается на одном дыхании. PARIS MATCH

Аньес Мартен-Люган

Мы не могли разминуться

«Corpus (ACT)»

2019

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Мартен-Люган А.

Мы не могли разминуться / А. Мартен-Люган — «Corpus (АСТ)»,
2019

ISBN 978-5-17-116663-2

Все книги Аньес Мартен-Люган начиная с самой первой – “Счастливые люди читают книжки и пьют кофе” – мировые бестселлеры. Они переведены на сорок языков, в одной только Франции продажи превысили два миллиона экземпляров. Аньес Мартен-Люган рассказывает истории женщин, чья жизнь сделала крутой вираж, и мужчин, которых они полюбили. “Мы не могли разминуться” – ее новый роман о любви. Красавица Рен – талантливый дизайнер, совладелица успешного пиар-агентства. И заложница своих былых ошибок. Главный смысл ее жизни – семнадцатилетний сын, которого она растит одна. Больше всего она страшится той минуты, когда он уйдет от нее, чтобы начать жить самостоятельно. Не желая ни с кем делить любовь сына, Рен тщательно скрывает от мальчика, кто его отец. Однажды она без памяти влюбляется и верит, что до счастья рукой подать. Но не откроется ли ее тайна? И можно ли построить будущее, не освободившись от прошлого?

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-116663-2

© Мартен-Люган А., 2019
© Corpus (АСТ), 2019

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	24
Глава четвертая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Аньес Мартен-Люган

Мы не могли разминуться

Гийому, Симону-Адероу и Реми-Тарику – всегда...

В конце концов всегда становишься персонажем собственной истории.

Жак Лакан

Чтобы дышать, его легким, как и его сердцу, был необходим воздух открытого океана.

Бернар Симио, “Эти господа из Сен-Мало”

© Éditions Michel Lafon, 2019

© Н. Добробабенко, перевод на русский язык, 2020

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2020

© ООО “Издательство АСТ”, 2020

Издательство CORPUS ®

Глава первая

Очередное тридцать первое декабря. Знаковая дата, финал года. Сегодня я иду к Полю на шикарный прием. Все будет идеально: хороший вкус, драйв, утонченность. Никаких конфетти и серпантина. И, как обычно, все неожиданно для всех. Если не считать меня, Поль всегда приглашал на новогоднюю вечеринку незнакомых между собой людей, которых он и сам едва знал. Расчет на то, что они проведут вместе один вечер и никогда больше друг друга не увидят.

Он находил свою идею прикольной, пикантной. Это твои подавленные инстинкты *бобо*¹ дают о себе знать, подкалывала его я. У вечеринки в разношерстной компании имелось явное преимущество – отсутствие напряжения: каждый был там самим собой, делал что хотел, на время избавившись от необходимости играть роль и от давления общественного мнения, присущего провинциальной жизни. Гости знакомились друг с другом без всякой задней мысли, ничего от знакомства не ожидая, поскольку само собой подразумевалось, что они больше никогда не увидятся, разве что случайно столкнутся в супермаркете на субботнем шопинге.

У сегодняшней вечеринки имелся бонус – маленький, но очень радостный для меня. На нее должны были прийти моя старшая сестра Анна и ее муж Людовик. Я представила им Поля вскоре после нашей с ним встречи, и с тех пор все трое отлично ладили. Но это был первый новогодний ужин Анны и Людовика у Поля, потому что обычно они уезжали на каникулы в теплые края, а в этом году изменили своей привычке и планировали почтить нас своим присутствием. Отказ от поездки выбил из колеи мою деятельную сестру, у которой и в повседневной жизни было вдоволь выматывающих забот, так что она постоянно балансировала на грани выгорания. Однако ей этого было мало. Людовик же, со своей стороны, предпочитал активному отдыху отпускное безделье, у него не было ни малейшего желания участвовать во всех мероприятиях клубного отеля, на которые сестра записывала их обоих. И этой осенью он стукнул кулаком по столу – он любил мою сестру, как в первый день их романа, но ее вечная суета не просто утомила, а окончательно допекла его. Они только что отметили пятидесятилетний юбилей Людовика и двадцатипятилетие совместной жизни, и ему захотелось немного покоя. К моему изумлению, сестра смирилась и даже не попыталась торговаться.

Тем не менее Анна не находила себе места, и ей срочно требовалось чем-то себя занять. В результате рождественские праздники в этом году превратились в череду трагикомических ситуаций: сестра посягнула на то, что до сих пор всегда было маминной епархией, а именно на организацию торжественного семейного обеда 25 декабря. Они, естественно, чудовищно поскандалили, я же изо всех сил старалась держаться от них подальше. Кончилось тем, что Анна устроила нам празднество, достойное голливудского рождественского кино. Все беру на себя – таким было кредо моей сестры. Теперь она маялась. Все трое ее взрослых детей, едва попробовав рождественский пирог и открыв подарки, сбежали, чтобы мать не приставала. Меня бы не удивило, оккупируй Анна кухню Поля, чтобы навязать свою помощь. Впрочем, Поль, скорее всего, не возражал бы и с удовольствием обошелся без прислуги, нанимаемой для приготовления праздничного ужина. Поль обожал гостей, но не любил неизбежные при этом хозяйственные хлопоты.

Мне бы радоваться, предвкушая удовольствие, однако все почему-то складывалось как-то не так. Временами мне даже хотелось надеть пижаму, уютно устроиться у себя на диване и затаиться, пока не закончится вечеринка. В последние месяцы я часто, даже излишне часто,

¹ *Бобо* (от франц. *bobo*) – богемные буржуа. Термин образован от слов *bourgeois* (буржуа) и *bohème* (богема). (Здесь и далее – прим. перев.)

задумывалась о времени, утекающем невероятно быстро, о том, что я упустила и что мне, напротив, удалось. Подходил к концу год моего сорокалетия, время подводить итоги первой половины жизни. Возможно, этим все объяснялось... В результате я впервые изменила своим привычкам, выбирая одежду. На прошлых новогодних праздниках я выделялась оригинальностью наряда, яркими платьями в цыганском стиле или в стиле гламурной вамп пятидесятых. Это меня забавляло. А сегодня, когда перед выходом я в последний раз изучила свое отражение в зеркале, на ум пришел эпитет “сумрачная”. С ног до головы в черном, я была эдакой Мортишей Аддамс в брюках и с темно-каштановыми волосами.

Мне удалось найти свободное место возле башни Жанны д'Арк. По крайней мере, не придется топать через весь Руан, чтобы забрать машину. У Поля была заново отремонтированная стопятидесятиметровая квартира на последнем этаже в верхней части улицы Жанны д'Арк. Он так и не решился приобрести дом – считая себя парижанином, предпочитал жить в двух кварталах от вокзала, так ему было спокойнее! Чистейшая причуда, притом довольно смешная, поскольку все, кто его знал, понимали, что он никогда не вернется в Париж насовсем. Его квартира была роскошной, оставаясь при этом предельно строгой. Поль любил красивые вещи, произведения искусства и дизайнерскую мебель, но развитое чувство меры не позволяло ему стать коллекционером или излишне усердствовать. Правда, имелось несколько исключений: женщины, автомобили и уровень вина в бокалах гостей.

Шампанское – как всегда, отменное – лилось рекой, все блюда были утонченными и необыкновенно вкусными. Пассия, выбранная Полем на этот вечер, была очаровательна, хотя слишком много хихикала. Я, однако, находила ей оправдания. К тому же наверняка мы больше никогда ее не увидим. Поль проведет с ней несколько ночей, пригласит несколько раз поужинать в ресторан, и она исчезнет, уступив место другой, сколько-то недель – или максимум месяцев – спустя. Женщины быстро надоедали Полю. Все восемнадцать лет общения с ним я наблюдала, как он неумоимо переходит от одной любовницы к другой. Если учесть его возраст – сейчас ему сорок девять, – ничем хорошим это не кончится. Я часто повторяла, что он рискует превратиться в потрепанного ловеласа, причем в самом скором времени. А он всегда реагировал на мои слова одинаково – раздражался громким хохотом.

Единственным, кто омрачал для меня картину, был сосед за столом. Когда его лицо мелькнуло среди двух десятков приглашенных, я тут же испепелила взглядом сестру: это точно ее происки. Аннины притворно невинные глаза подтвердили мою догадку. Я еле сдержалась, чтобы не наброситься на нее. Она не постеснялась задействовать свой козырь – “приближенные” Поля имели право привести нежданного гостя. Между прочим, я такого не делала ни разу. Ну а Анна не отказала себе в удовольствии, причем за моей спиной. Ее печалило, что я не замужем, и она постоянно пыталась свести меня с очередным “кандидатом”, как она их называла. Сегодняшний был коллегой Людовика, и я его очень хорошо знала. Регулярно встречаясь с ним на ужинах у сестры, я всегда находила его симпатичным, не лишенным обаяния. Двумя годами раньше я уступила его ухаживаниям, что принесло мне только разочарование. Он был идеальным другом и заодно, как выяснилось, полной бездарью в роли любовника. В этом смысле он был вне конкуренции, любой потенциальный соперник был бы им в два счета повержен. Анна не поняла, почему я так быстро прервала наши отношения. Вид этого придурка не оставлял сомнений в том, что наплела ему сестрица. Как пить дать убедила, что не все потеряно. Я регулярно ловила настороженный взгляд Поля, который просек, что я расстроена. Мне удалось намекнуть ему, в чем дело, незаметно кивнув в сторону соседа, и Поль едва не подавился морским гребешком, извлеченным из ракушки. Впрочем, он быстро взял себя в руки, оставаясь в роли идеального хозяина. Однако продолжал следить за мной краем глаза.

Как я и предполагала, Анна взяла штурмом кухню Поля. Когда пришло время подавать следующее блюдо, она жестом позвала меня за собой. Я ухватилась за возможность отдохнуть от приставаний кретина соседа, до которого так ничего и не дошло...

– Ну и, Рен... – начала она простодушным сладким голоском.

Ухватив меня за запястье, она выжидающе покачивала головой.

– Что “ну и”? – проворчала я.

Я высвободилась и налила себе красного вина.

Смешивать алкоголь нехорошо, ну да и черт с ним, мне было необходимо взбодриться!

– Как тебе мой маленький сюрприз?

Я скорчила злую гримасу и заслонила ладонью, как бы защищаясь.

– Довольна собой?

Она захлопала в ладоши, уверенная, что я в восторге от ее интриги.

– У него челюсть отвалилась, когда ты появилась в этом наряде. Твои кожаные брюки и для меня сюрприз... Так красиво! На фоне всего этого черного твои зеленые глаза так и сияют...

Я саркастически поцокала языком.

– Какая же ты все-таки зараза! Даже не мечтай! Закатай губу! Ничего не выйдет!

Ее лицо, до сих пор оживленное, приобрело выражение крайнего изумления.

– Но почему? Ты не рада его видеть?

– А ты как думаешь? Напоминаю, я это уже проходила! Великое тебе спасибо!

Расстроившись, она принялась доставать тарелки, бормоча себе под нос:

– Людовик предупреждал, что ты так отреагируешь!

Я рассмеялась:

– Обожаю своего зятя! Может, сменим тему?

Моя сестра, словно маленькая девочка, недовольная тем, что отказываются выполнить ее каприз, прерывисто вздохнула, подчеркнув свое огорчение пожатием плеч.

– Так что, помочь тебе?

– Нет, – буркнула Анна.

– То есть ты позвала меня на кухню только затем, чтобы выпытать, сработало ли твое сватовство?

Она перестала изображать оскорбленную звезду экрана и одарила задорным подмигиванием, которое вызвало у меня приступ хохота. Анна неподражаема.

– Ты в своем репертуаре!

Я вернулась к столу, тронутая заботливостью сестры, которая стремилась лишь к тому, чтобы все близкие были счастливы. Аннино хорошее настроение было так заразительно, что сосед по столу даже удостоился самой прекрасной улыбки.

23.54. Атмосфера медленно, но верно разогревалась под совокупным воздействием пузырящегося напитка и ни к чему не обязывающей болтовни. Почему непременно нужно хорошо знать друг друга, чтобы с удовольствием встретить вместе Новый год и мило провести время? Полю всегда удаются праздники. В какой-то момент я перестала обращать внимание на неприятное соседство. За столом царил отличное настроение, но я непрерывно проверяла телефон, в глубине души надеясь, что, вопреки нашему уговору, он все же объявится. Со своей стороны, я поклялась сопротивляться желанию написать или позвонить – не хотела дергать его. Когда хлопнула пробка от шампанского, я вздрогнула. Странное дело, я была далека от всеобщей эйфории и наблюдала за гостями, словно зрительница на оживленном пиршестве, улыбающаяся, но бесконечно печальная. На меня это было непохоже.

Десять. Девять. Восемь. Семь. Шесть. Пять. Четыре. Три. Два. Один... Все встали из-за стола. Пары расцеловались. Мой сосед, который и впрямь соображал не быстро, потянулся ко мне. Мне удалось сдержать вздох разочарования, и я лишь досадливо улыбнулась ему.

– С Новым годом, Рен!

Он наклонился ко мне, поцеловал и вознамерился крепко стиснуть мою талию. Тут завибрировал мобильник, и я резко отстранилась.

– Извини, надо ответить.

Сосед не успел рта раскрыть, потому что я быстро отошла с телефоном в сторону. Это был он. Он подумал обо мне, не забыл меня. А мы ведь договорились, что сегодня не будем звонить друг другу. Я не сомневалась, что в новогоднюю ночь у него найдутся другие развлечения помимо звонка мне. Значит, я все еще нужна ему. На сердце потеплело, я обрадовалась.

– С Новым годом, мой родной.

Я не услышала, что он ответил, вокруг все шумели, и на том конце линии тоже раздавались восторженные вопли. Я пренебрегла зимним холодом и вышла на балкон.

– Ты меня слышишь? – спросила я, затыкая одно ухо.

– Мама?

– Да, Ноэ, я здесь.

– С Новым годом, мама.

Я заморгала, чтобы остановить слезы радости.

– Спасибо... Хорошо проводишь время?

– Еще бы! Супер!

Я слышала голоса его друзей, которые пели, что-то выкрикивали и звали его.

– Беги, завтра поболтаем. Береги себя!

– Все будет ок!

Я почти увидела, как он закатывает глаза, показывая, как его заколебала мать, и при этом неотразимо улыбается.

– Целую, мама.

– Я люблю тебя, доро...

Он уже отсоединился. Я вытащила пачку из кармана пиджака. Закурила и не торопилась заканчивать сигарету. Я слышала его голос не дольше пары минут, но этого хватило, чтобы наполнить меня счастьем и позволить насладиться сегодняшней вечеринкой.

– С Новым годом, – шепнул мне на ухо Поль.

Он приобнял меня и легонько поцеловал.

– И тебя, – ответила я.

Несколько минут мы постояли не шевелясь, погружившись в созерцание города, раскинувшегося у наших ног; мы смотрели на его огни, до нас долетали гудки машин, звуки фейерверков, крики празднующих.

– Ты сегодня не с нами... – констатировал он. – Что тебя гложет?

– Да так, всего понемножку...

Точнее не скажешь. В последние недели некоторые мои решения, а особенно их последствия, будоражили память – опять это проклятое утекающее время! – и грудь у меня сжималась. Иногда мне делалось совсем худо, я почти задыхалась. Поль об этом знал, всякий раз улавливал. Но здесь было не место и в особенности не время для серьезного разговора. К нам присоединилась Анна, они обменялись понимающими взглядами. Она ограничилась поцелуем в щеку в качестве поздравления, я сделала то же самое.

– Дашь одну? – спросила она, слегка толкнув меня локтем.

– Одну-единственную за год? – подколола я.

– Не занудствуй!

Мы засмеялись, и она вытащила из моей пачки сигарету. Наши роли поменялись: будучи подростком, я таскала сигареты у нее, теперь она брала их у своей младшей сестры. В отличие от меня, она с возрастом прислушалась к отцу, который уговаривал нас бросить курить. Я устояла, единственная из всей семьи, вопреки всем его “подумай о сыне, дочка”.

– Поговорила с Ноэ? – спросил Поль.

Ответом послужила моя широкая улыбка.

– У него все в порядке? – заволновалась Анна, как и положено бдительной тетушке-защитнице.

Мы оба, Поль и я, подавили ироничный смешок.

– Ноэ семнадцать лет, и он празднует с приятелями. Как ты думаешь, у него все в порядке?

– Хватит насмехаться надо мной, у меня всегда душа не на месте, когда они уходят из дома, вот я и дергаюсь.

А мне, по-твоему, наплевать?

– Именно такой мы тебя и любим! – успокоила я ее.

– Эй вы, вам еще не надоело уединение? – вмешался Людовик, присоединяясь к нам на балконе.

Я высвободилась из объятия Поля, отодвинулась от сестры, подбежала к зятю, и мы расцеловались, поздравляя друг друга с Новым годом.

– Окей, Рен, тебе известно, что единственное новогоднее желание твоей сестры – найти тебе пару?

Она прыснула за моей спиной, Поль последовал ее примеру.

– Пока облом! Не очень-то из нее умелая сваха!

– Я предупреждал, но ты же ее знаешь: если ей что-то втемяшится, спорить бесполезно!

Тут и я захохотала:

– Она уже заставила меня заняться спортом, можешь себе представить?!

– О да, это подвиг, – включился Поль.

– А ты когда перестанешь устраивать свои дурацкие сборища? – поддела я.

Перекидываясь шутками, мы пошли к гостям. Праздник продолжался.

Ближе к трем утра я вернулась в наш маленький кирпичный дом на одном из холмов Руана. Когда Ноэ пошел в коллеж, я сообразила, что мне тоже пора повзрослеть, и затеяла великую авантюру с покупкой недвижимости. Я влюбилась в эти стены, которые мы с Ноэ превратили в свое гнездо. Оно походило на нас: не очень большое, немного беспорядка, интерьер не совсем такой, как у всех. Нам там было хорошо, это был наш дом.

Я выбилась из сил, ноги ныли, начиналась головная боль, с которой способен справиться только сон. И все же, перед тем как рухнуть на кровать, я не удержалась и заглянула в ужащающий хаос комнаты Ноэ. Несколько часов назад я изображала перед сестрой спокойную и разумную мать, но, если честно, я мало чем от нее отличалась. Мне не нравилось, когда он ночевал не дома, не нравилось, когда он был где-то далеко, не рядом, пусть ему семнадцать лет и он почти на две головы выше меня. Я ненавидела опустевший дом, когда там нет сына, не хлопает дверь его комнаты, не звучит гитара. Тем не менее это случалось чаще и чаще. Все нормально. Логично. Ноэ растет, через несколько месяцев он будет сдавать экзамены на бакалавра² и на водительские права. Я помнила себя в его возрасте, мне тогда хотелось только одного: стать самостоятельной, избавиться от опеки родителей – которых обожала, – проводить время с друзьями, чувствовать себя свободной. Ноэ сейчас как раз на этом жизненном этапе, и я изо всех сил старалась отпустить его, не давить. В этом заключалась моя роль, хотя, если

² Экзамены на степень бакалавра – выпускные экзамены во французских лицеях, аналог российского ЕГЭ.

я хорошо играла ее, в сердце возникала пустота. Вот это и значит быть матерью... Не скажу, что я гиперопекающая мамаша-наседка, но я растила сына одна, и само по себе это могло бы послужить мне оправданием. Однако я опасалась, как бы Ноэ не задохнулся от моей непрестанной заботы, и потому предоставляла ему максимум свободы, доверяла ему. Но главное, я считала, что мне с ним повезло. Наше взаимопонимание помогало нам оставаться близкими, невзирая на беспощадно убегающее время.

Назавтра я проснулась слишком рано. Я уже привыкла к тому, что, если его нет дома, я все время начеку и мне не удается поспать подольше. Немного поиронизировав над собой, я приняла долипран и сварила кофе. Проглотив некое подобие завтрака, я потянулась за телефоном и позвонила родителям с традиционным новогодним поздравлением. Я рассказывала им о вчерашней вечеринке, когда пришло сообщение от Ноэ с просьбой заехать за ним.

Едва я припарковалась возле дома, где он встречал Новый год, на пороге появилась четверка слегка потрепанных подростков. Судя по их виду, они практически не спали, от них сильно разило пивным перегаром и потом, а также ароматами разных смесей, состав которых я предпочитала не знать. Я удостоилась произнесенного хором “С Новым годом!” и пахучих поцелуев приятелей Ноэ. Я у них пользовалась некоторым авторитетом, и мое присутствие ребят не напрягало, поскольку они считали меня более крутой, чем их собственные матери, на том основании, что я была лет на десять моложе.

– Мам, тебе не трудно отвезти...

– Легко, только сначала скажите, вы уверены, что все прибрали у Бастьена?

Я опасалась даже представить себе размеры бедствия. Я бы ни за что в жизни не пустила их в свой дом. Они победно переглянулись – это означало, что они сделали все необходимое, с их точки зрения, для уничтожения следов разгрома и, главное, просить их еще о чем-то бесполезно. Милые мальчики! Я закатила глаза, но их реакция меня позабавила.

Мне пришлось целый час работать водителем, развозя детишек в разные концы города, и только после этого мы вернулись домой.

– Хочешь есть? – спросила я слегка зеленоватого Ноэ.

– Не очень.

Мне было смешно, но я решила, что пора положить конец его мучениям.

– Пойди быстренько прими душ, почисти зубы и ложись поспи. Думаю, это лучшее, на что ты сейчас способен.

Он даже не пытался спорить.

– Извини.

Я взъерошила его слипшиеся волосы.

– Оставляю тебя в покое, но хотелось бы, чтобы ты был в форме, когда выйдешь из своей комнаты.

Он благодарно поцеловал меня и направился к лестнице.

– Мама? Мы сегодня вечером театром займемся?

Моей улыбки ему хватило. Я слышала, что перед тем, как провалиться в сон, он звонил бабушке с дедушкой и Полю, разговор с которым, по обыкновению, затянулся.

Ближе к вечеру он выполз из своей берлоги и присоединился ко мне на диване, где все уже было готово для нашего ритуала. Когда он был маленьким, я изготовила большую доску, которую мы называли “Театр Ноэ и мамы”. Она менялась вместе с моим сыном и возвышалась на каминной полке. Каждый год тридцать первого декабря – или первого января, с тех пор как он стал проводить новогоднюю ночь с друзьями, – мы с ним ели блины и выбирали фотографии,

сувениры, например, билеты на концерт, на поезд или самолет, положительный отзыв учителя – в общем, все те мелочи и не мелочи, из которых и состояли двенадцать последних месяцев. Все это я объединяла в коллаж. В этот раз выбрали билет на парижский концерт *Fauve*, куда я свозила Ноэ с четырьмя его друзьями. Это было не так уж легко, но я получила большое удовольствие. Я со стороны наблюдала их восторг, и это было классно. Затем мы взяли фотографии последних летних каникул на Крите: одна из них была с нашей недельной поездки вдвоем на автомобиле, а вторая из летнего клуба, где Ноэ учился виндсерфингу и завел дружбу с новыми приятелями. . . В ту неделю мы с ним едва виделись. Еще мы вырезали рецензию на его первое сочинение по философии, великолепный текст обо всем и ни о чем, за который он заработал четыре балла из двадцати, мощную головомойку от меня, а также похвалу от своего преподавателя за оригинальность и перспективность подхода.

С каждым годом я все лучше и лучше, если такое возможно, понимала: неслыханная удача, что в моей жизни есть сын. Моменты, которые мы проживали вдвоем, были драгоценными, они позволяли отвлечься от каждодневных забот, забыть о своих ошибках, а заодно и о теневых сторонах моего существования.

Мы все выбрали, наклеили, и преисполненный гордости Ноэ пошел устанавливать доску. Как только он стал достаточно сильным, чтобы поднимать ее самостоятельно, без моей помощи, это стало его обязанностью, которую он очень любил.

– Посмотришь, что получилось, мам?

– Сейчас иду.

Мы, конечно, имели право гордиться своей работой, и меня особенно трогало, что Ноэ не отрывает глаз от доски. Однако на этот раз сердце у меня сжалось сильнее обычного. Меня словно отбросило в прошлое. Чем старше становился сын, чем заметнее превращался в мужчину, тем более очевидным было его сходство с отцом. Он отреагировал на мое волнение.

– Какая-то проблема, мама?

Мы никогда не говорили о нем. В последние два года Ноэ отказывался затрагивать эту тему, без объяснения причин, просто сочтя ее закрытой. Я приняла его отказ, не желая раскрывать рану.

– У тебя какой-то странный вид, – не отставал он.

– В отличие от тебя, я днем не спала!

Он ехидно хмыкнул:

– Возраст не позволяет гулять всю ночь?

– Прояви минимум уважения! – фыркнула я. – Пойду спать.

– А я включу телевизор.

Я подошла к нему, обняла, прижала к груди. Он не противился, и я не преминула немного затянуть объятие.

– Я люблю тебя, Ноэ, милый, и всегда буду любить, не забывай об этом.

– Я тоже люблю тебя, мам.

– Спокойной ночи.

Я отпустила его, широко ему улыбнулась и направилась в спальню, не удержавшись от последнего взгляда на сына, который уже лежал на диване с пультом в руках. Вид Ноэ в привычной обстановке немного приободрил меня.

Глава вторая

Как всегда по понедельникам, я отвезла Ноэ на занятия. Это единственный раз в неделю, когда он позволяет мне постоять с включенными аварийными огнями перед лицом Корнеля. Меня устраивало, что наше утреннее расписание совпадает.

- Хорошего дня, – пожелал он, держась за ручку двери и готовясь выйти из машины.
- В этом полугодии все будет в порядке?
- Еще бы, я на каникулах вкалывал.

Какое счастье, что у меня такой ответственный сын! Он всегда любил школу и всегда усердно учился. Это не составляло для него труда, так что мне было с ним легко и скандалы из-за домашних заданий не были нам знакомы. С другой стороны, Ноэ совершенно не умел ничего планировать на будущее, хотя бы на следующий год. Подозреваю, что он такой не один. Поскольку экзамены на бакалавра он, разумеется, сдаст, Ноэ намеревался продолжить образование. Где-нибудь. “Не важно где, мама, я выберу потом”. Я растерялась, столкнувшись с отказом принимать решение. Он это предвидел, поэтому сначала поговорил с Полем и только потом завел разговор со мной. К Полю он всегда обращался за серьезным советом, зная, что с ним можно обсудить абсолютно все, не веляя и не рискуя нарваться на паническую или слишком бурную реакцию. И он прекрасно знал, что Поль выступит на его стороне и донесет идею до меня. Или поможет ему лучше разобраться в собственных мыслях.

Ему не терпелось снова увидеть друзей после каникул, и он выразительно посмотрел на меня сквозь непослушную прядь волос, вечно падавшую на глаза.

- Можно я пойду?
- погоди!

Я вдруг испугалась, что придется отпустить его. Он удалялся от меня. Все больше и больше.

- У тебя сегодня вечером гитара?
- Как всегда по понедельникам! Что-то не так, мам?

Я не забыла о его уроке, просто мне хотелось хоть немного задержать его. Похоже, я становилась излишне сентиментальной, что было плохо и для него, и для меня.

- Нет, нет. Все в порядке. Давай, беги!

Я замечала, что он беспокоится обо мне, он пытался дать мне это понять, не желая говорить в открытую. Я постаралась вести себя как можно естественнее, чтобы успокоить его. Пора образумиться. Придется чем-то занять свои мысли... Ноэ вырос, и я теперь лучше понимала избыточную активность сестры, ставшую еще более бурной, когда ее дети покинули семейное гнездо.

- Пока!

Он захлопнул дверцу. Я следила в зеркале за тем, как он открывает багажник, вынимает из него рюкзак и гитару в чехле. Он знал, что я на него смотрю, и одарил меня широкой улыбкой, перед тем как вой ти во двор и присоединиться к своей компании. На шее у него болтались наушники, он шел развинченной и угловатой походкой подростка – в общем, Ноэ выглядел предельно естественно. Я еще посидела, наблюдая за тем, как он приветствует друзей на им одним понятном языке, смеется, чмокает девочек. Я выделила из них одну, по-особому застенчивую. Ноэ этого не замечал, но ей он явно нравился. Мой сын был популярен – и одновременно как бы и не был: он не входил в число любителей пускать пыль в глаза, которые любой ценой добиваются известности в лицее, суетятся, выставляя себя напоказ. Он не требовал для себя никакого особого места, он просто хотел всегда поступать правильно. При этом он был из тех, кого знают, с кем стремятся перекинуться парой слов, показаться вместе. Я не могла оторвать от него тоскливых глаз, он был на своем месте, в своем мире, ему там было комфортно.

Ноэ, судя по всему, почувствовал, что я еще здесь, потому что обернулся и махнул мне рукой, как будто хотел поторопить: “Давай, мама, уезжай уже!” Я подчинилась сыну.

Как всегда в понедельник, я первой явилась в офис, все еще под тягостным впечатлением от первого дня занятий и стремительного взросления Ноэ. К счастью, я обожала работу в нашем агентстве маркетинговых коммуникаций, которое начиналось как обычная фотостудия. Я пришла сюда на самую мелкую должность, не задумываясь, чего буду добиваться, но твердо настроившись на то, чтобы зарабатывать себе на жизнь.

В середине беременности я бросила учебу в парижском художественном училище и вернулась к родителям в Руан. Мне пришлось долго убеждать их, скандалить, но в конце концов семья смирилась с моим отказом продолжать учебу. Сначала мама плакала, вопила в телефонную трубку, отец грозил страшными карами, как когда я была ребенком, а потом в Париж явилась Анна и помогла мне собрать вещи. Они приехали на “универсале”, за рулем которого сидел Людовик, тогда уже ее муж и отец ее детей. Снова обустроившись с огромным пузом в своей детской было невыносимо, но еще ужаснее было сознавать, что я сижу на шее у родителей. Я не была готова смириться с зависимостью, поэтому тут же принялась искать работу. Мне срочно нужно было начать зарабатывать хоть сколько-то и снять любую конуру. Поэтому я просматривала все страницы объявлений и всюду рассылала резюме, чтобы обеспечить себя пропитанием. Но каждое интервью заканчивалось отказом. Никто не горел желанием взять на службу двадцатитрехлетнюю девушку, по уши беременную, не слишком разговорчивую и явно не очень в форме. Родители постоянно твердили, что торопиться некуда, что я могу жить дома столько, сколько хочу и сколько нужно, чтобы найти что-то подходящее. Они не уставали напоминать, что я должна беречь себя, *нас обоих*, чего я категорически не делала. Плевать я хотела на собственное, а уж тем более на *его* здоровье. Я целиком и полностью замкнулась, утратила все навыки общения – для бывших подруг по лицу я превратилась в инопланетянку. Они куда-то ходили, развлекались, перед ними открывалась вся жизнь, у них было полно планов. Рядом с ними я выглядела никчемной, лишенной будущего, в полном отрыве от всех. Время от времени я выходила на улицу подышать и удрать от обеспокоенных взглядов родных. Правда, здесь меня ждали другие взгляды, осуждающие. Из тех, в которых читаешь “бедная девочка, попала на удочку первому встречному”. В нашем квартале я стала притчей во языцех, самой известной матерью-одиночкой, а надо понимать, что это провинциальный буржуазный квартал. Иногда мне хотелось заорать на них, спросить, в каком веке они живут. Но я молчала и опускала глаза, не реагируя на провокации. Не хотела создавать дополнительные проблемы родителям, которые и так подвергались еще более жесткому ostracismu, чем я. “Как же они ее воспитали, если она спит с кем попало и позволила обречь себя какому-то проходимцу, который сделал ей ребенка и испарился?” Из-за меня они утратили положение уважаемых людей, общение с которыми престижно, и попали в категорию безответственных родителей, дурно влияющих на своих детей, причем подразумевалось, что это влияние может оказаться заразительным.

А потом однажды я вышла из очереди в булочной, чтобы избежать перешептываний и неодобрительно поджатых губ, и стала читать объявления, приклеенные к доске. Среди приглашений няни и просьб помочь в поиске сбежавшей кошки мое внимание привлек один листок. Я сорвала его и покинула магазин, не купив хлеб. У меня так дрожали пальцы, что мне пришлось перечитывать текст несколько раз, убеждаясь, что я ничего не перепутала: “Фотограф ищет ассистента (ассистентку) для оформления фотостудии”. Ну вот, нашелся человек, готовый позаботиться обо мне. Не теряя ни минуты и не предупредив родителей, я пошла по указанному адресу, спеша поскорее явиться к потенциальному работодателю.

Через полчаса я стояла перед довольно обшарпанным домом на набережной, за рынком “О-Туаль”. В какой-то момент у меня мелькнула мысль, что я угодила в западню, что отец и

Людовик, узнай они, во что я собираюсь ввязаться, схватили бы меня за шкуру и приволокли обратно домой. Но я приказала заткнуться своим сомнениям и подозрениям и, перед тем как шагнуть в пасть тигра, мысленно оглядела себя: отвратительно одета, старая папина куртка для работы в саду болтается на мне, и я обезображена растущим в моем теле ребенком. Я была не согласна, чтобы он и дальше калечил мне жизнь, я и так уже достаточно измучена озлоблением и горечью. Не боясь причинить себе боль, я постаралась хоть как-то спрятать живот, застегнув на последнюю дырку пояс от брюк для беременных, которые сестра заставляла меня носить, и перекрыв его растянутой футболкой. Дверь фотостудии открылась, и передо мной предстал мужчина лет тридцати с лишним, седеющий брюнет с помятым лицом человека, который не любит пить воду. Сама того не замечая, я несколько мгновений стойчески не двигалась с места и изучала его самым пристальным образом. Под болтающимися на бедрах джинсами и криво застегнутой белой рубашкой угадывалась спортивная фигура. Несмотря на жутковатое состояние незнакомца, его харизма впечатлила меня. Мне бы быстренько убежать и забыть об этом месте, но его прямой взгляд заставил меня переступить порог и изложить причины моего здесь появления. Особо не вникая, он тут же спросил, есть ли у меня время, чтобы выполнить пробную работу. Я ответила, что есть. Он отвел меня в большую комнату. Благодаря многочисленным окнам она купалась в свете, что контрастировало с общей мрачностью обстановки. Это была не комната, а свалка самых разных предметов – фотографического оборудования, софитов, отражателей, вперемешку с одеждой и какими-то бумагами. Руины запущенной жизни. Комната точно соответствовала своему хозяину. Оба пришли в упадок.

– Видишь эту лампу? – спросил он.

И впрямь посреди гигантского бардака валялась маленькая лампа.

– Пусть она заиграет.

– Окей.

– Ну а у меня вечером фотосессия, так что мне некогда.

Целый час я передвигала мебель, создавая уютный интерьер посредством всего, что оказалось в моем распоряжении. По умолчанию я исходила из того, что могу брать, что пригодится. И все это время я чувствовала на себе взгляд хозяина студии, который слонялся по ней босиком. Мои декорации постепенно обретали некую форму, а он пока проверял освещение, делал пробные снимки, не произнося при этом ни слова. Когда я объявила, что все готово, он попросил меня не уходить – вдруг нужно будет что-то подправить. Он работал, а я озиралась по сторонам и наткнулась на его фотографии, небрежно разбросанные по помещению. Они потрясли меня. Я недоумевала, откуда он взялся и как угодил в Руан. Похоже, перепутал вокзал и вышел не на той станции. Несколько раз он просил меня что-то поменять местами, но я не торопилась выполнять его указания, стремясь убедиться, что гармония не нарушится. От комментариев он воздерживался. С приближением вечера я все больше уставала, живот тянуло, а ребенок активнее шевелился. Всякий раз я не забывала повернуться спиной, когда нужно было положить на живот ладонь, чтобы успокоить малыша и смягчить неприятные ощущения.

– Есть! – неожиданно прокричал он.

И улыбнулся мне во весь рот. Теперь это был совсем другой человек, не тот, что несколькими часами раньше. На лицо возвратились краски, он выглядел не более чем на тридцать. Невозможно ошибиться: женщины как пить дать оборачиваются, проходя мимо, кстати, его заразительно веселое лицо произвело впечатление и на меня тоже.

– Спасибо, Рен, ты меня спасла. Приходи завтра к десяти, подпишем договор, и приступишь к работе.

Я онемела от удивления.

– Ты же не передумала? – озабоченно уточнил он.

– Конечно нет!

– Супер! А теперь иди домой.

– До завтра... э-э-э...

– Поль, меня зовут Поль.

Я взяла сумку в углу комнаты и направилась к выходу, не решаясь поверить, что нашла работу, причем такую, которая, как подсказывала интуиция, мне понравится. Пожалуй, даже работу своей мечты.

– Подожди минутку.

Я испугалась, что все слишком хорошо, чтобы быть правдой, и приготовилась к осложнениям. Он как-то неожиданно посерьезнел. Сначала неуверенно дотронулся пальцем до своих губ, потом смущенно протянул его к моему животу. Я мысленно испепелила маленького оккупанта.

– Когда?

Я передернула плечами, словно девчонка. Впрочем, я и была еще девчонкой.

– Ты, конечно, подсуетилась, спрятала живот, но у меня двое детей, и я умею распознать беременную женщину. Так какой срок?

– Я на седьмом месяце.

Тень опасения проскользнула по его лицу.

– Очень уж ты худая... Где ты живешь? У тебя есть все, что нужно?

Позднее он признается, что на долю секунды заподозрил, будто я живу на улице. Впрочем, ничего удивительного – я совсем за собой не следила. Мертвенно-бледная, такая худощая, что страшно смотреть, не говоря уж о том, что я тогда называла опухолью.

– Мне только работа и нужна! Что, не хотите меня брать?

– Дело не в этом... Я просто должен знать, вернешься ли ты после родов или бросишь меня.

– Естественно, вернусь! И я хочу работать до последнего дня.

Он выдал обаятельную кривую ухмылку, в которой не было насмешки, просто моя реплика позабавила его.

– Ты уж постарайся не рожать прямо здесь.

Я улыбнулась ему в ответ:

– Обещаю!

Два месяца спустя Поль чудом избежал роли акушера – воды отошли у меня прямо в студии, в разгар фотосессии. Он отвез меня в клинику “Бельведер” и позвонил родителям.

Прошло восемнадцать лет, и теперь я его компаньон. Альтер эго. Мне известны все его секреты. Так же, как ему мои. Поль имел все шансы на успех. В двадцать лет он, юный гений фотографии, обладающий природным даром, работал на самые крупные парижские художественно-оформительские фирмы. Отсюда, в частности, его любовь к изобразительному искусству и дизайну. Однажды он ухитрился сфотографировать кресло Филиппа Старка в чаще джунглей! Он заработал деньги, много денег, ездил по всему миру. По молодости лет, следуя сиюминутному порыву, женился на женщине старше себя и сделал ей детей, но даже не подумал менять образ жизни. Ему все удавалось. А потом, совершенно для него неожиданно, жена подала на развод и, ссылаясь на его безалаберный образ жизни, потребовала практически исключительной опеки над детьми. У Поля началась тяжелая депрессия, он потерял способность к творчеству. Пытаясь вырваться из порочного круга, в который угодил, он сбежал от всех обязательств и открыл собственную фотостудию. В тридцать два года его жизнь переломилась – от абсолютного успеха к не менее полному поражению. Руан он выбрал из-за смехотворной стоимости аренды и близости к Парижу, а также исходя из предположения, что с более низкими, чем у парижских коллег, ценами он наберет достаточно крупных клиентов. Так он признал свой провал, приступил к поиску ассистента и больше трех месяцев не мог найти эту редкую птицу. Поль был законченным перфекционистом, его требовательность к себе и дру-

гим зашкаливала, доходила до абсурда, поэтому его критериям никто не мог соответствовать. Он, естественно, еще получал какие-то заказы, но в одиночку и, будучи растерянным и подавленным, с трудом с ними справлялся. Он часто повторял, что не знает, что бы с ним случилось, если бы я тогда не объявилась.

Сегодня мрачный период был для нас обоих далеко позади. Три года подряд после прихода в студию я всегда являлась на работу в сопровождении Ноэ, беря на себя все оформление фотосессий. Я была ассистенткой, декоратором, палочкой-выручалочкой Поля. Первые годы жизни мой сын провел в студии, там он сделал первые шаги, там у него прорезался первый зуб, там он произнес свое первое слово, и там же я впервые услышала от него “мама”. Он полностью поработил Поля: цеплялся за его ноги, когда тот работал, рылся в его оборудовании, и Поль ни разу не отругал его.

Поль менялся у меня на глазах: постепенно превращался в того, кем был раньше, но одновременно приобретал необходимую для бизнеса жесткость человека, которого потрепали невзгоды. Он взял себя в руки, возобновил занятия спортом, стал меньше пить. Но главное, он не покладая рук работал над созданием собственного агентства коммуникаций. Он понял, что представить те или иные изделия выигрышным образом с помощью фотоаппарата, конечно, важно, но еще важнее показать тех, благодаря кому эти изделия увидели свет. Когда-то в юности он поездил по стране и познакомился, в частности, с множеством старых предприятий, которые пришли в упадок, но еще имели достаточный потенциал, чтобы кое-чем поделиться с окружающим миром и многое подарить ему. Идея пришла сама собой: он должен, прежде всего, рассказать историю этих фирм и людей, чтобы их знания и умения продолжали жить. Когда Ноэ пошел в детский сад, Поль помог мне отвлечься от постоянных мыслей о сыне, по которому я очень скучала, и привлек к своему проекту, хотя я понятия не имела, что такое коммуникации. Он никогда не боялся оказывать мне доверие. И главное, не боялся ввязываться в новые проекты, принимать вызов, ставить на выигрыш, рисковать. Легко уживающиеся в нем художник и грозный бизнесмен, в которого он постепенно превращался, прекрасно дополняли друг друга.

Я училась в процессе работы и вскоре полюбила этот адреналин, этот новый для меня вид деятельности. Мне нравилось участвовать в продвижении идей и креативных прорывов Поля. Он расширил зону поиска клиентов за пределы региона и приступил к завоеванию Франции. Находил предприятия, ждавшие со дня на день краха, и появлялся в них в роли гонца последней надежды, последнего козыря, который можно разыграть до подведения окончательного итога. Если все складывалось удачно, мы встречались с владельцами убыточного предприятия или с теми, кто собирался его купить. Больше всего Поль любил мастеров, владеющих старинными умениями, он ценил забытые марки, по-прежнему вызывавшие отклик в нашем подсознании, восхищался ремесленниками, которые силились вернуть жизнь исчезающим из обихода предметам. Мы знакомились с сотрудниками, обращались в профессиональные объединения, способные затормозить процесс угасания того или иного ремесла, выслушивали умельцев, провоцировали на рассказы об их страсти. Собрал всю информацию, мы стремились вдохнуть душу в марку, сформировать память, сочинить увлекательную историю, чтобы снова вывести на сцену талантливых людей.

Через несколько лет Поль поднялся на новую ступень и предложил мне стать его компаньоном. Для него это предложение являлось чем-то само собой разумеющимся, оно шло от чистого сердца, но заодно было и своего рода благодарностью за мою “безупречную преданность делу”. Он хотел таким образом выразить признание моей компетентности, которая, по его словам, “позволила ему добиться того, чего он добился”. Я сразу согласилась, не устояла перед его энтузиазмом и верой в меня. После прихода в агентство и рождения Ноэ я стала

скорее муравьем, чем стрекозой – страх за завтрашний день научил меня быть экономной, – поэтому я смогла последовать примеру Поля и тоже сделать ставку – вложиться в наше предприятие. Мы действовали дружно, вкалывали как безумные, так, что летели искры, и получали при этом необыкновенное удовольствие. Обороты студии выросли вчетверо, три года назад мы переехали в новое помещение на левом берегу, на набережной, рядом с ангарами, которые реконструировали один за другим. В доме мы занимали целый этаж с видом на Сену и доки. С одной стороны была фотостудия, с другой – его и мой кабинеты и *open space*, большой офис, который я бы назвала инкубатором идей – там работала команда агентства, которую Поль любовно подобрал, сформировал и непрерывно развивал. В нее входили: копирайтер, дизайнер, веб-мастер, проект-менеджер, ассистентка и еще один фотограф. Сам он работал только с самыми крупными нашими клиентами или с теми, чья сфера деятельности была ему особенно интересна. Если в заказе упоминалась ручная работа, Поль был тут как тут, он любил снимать руки, лица, склоненные над верстаком, тела людей, прилагающих усилие, то есть создавать реалистичные декорации для увлекательной истории. В остальное время он был занят развитием нашего агентства “Ангар”. Он увлекся выстраиванием социальных связей, и в нем открылся неожиданный дар светского общения. “Привилегия хозяина”, частенько повторял он мне. У Поля редко выпадал свободный вечер, потому что его постоянно приглашали на ужины, собрания, коктейли. Он даже стал членом энологического клуба – его мало интересовало отличие бордо от бургундского, но в клубе можно было встречаться с новыми людьми, расточать обаятельные улыбки и раздавать визитки. Я подключалась позднее и действовала в тени, “окучивая клиентов”.

С годами заказчики становились все перспективнее. Мы, естественно, по-прежнему занимались предприятиями, попавшими в затруднительное положение, однако не отказывались и от тех, у кого дела шли хорошо, но явно не хватало эмоций и оригинальной легенды. Мы завоевали солидную репутацию, с нами стремились сотрудничать, и многие даже были готовы дожидаться своей очереди столько, сколько потребуется. Благодаря более низким, чем у крупных парижских агентств, расценкам, нашему нестандартному подходу к коммуникациям, а также огромной фотостудии, куда мы были готовы пускать что и кого угодно (даже животных: никогда не забуду сессию, для которой Поль арендовал двух кенгуру из зоопарка Клера), мы сумели, как и предсказывал мой компаньон, привлечь весьма крупных клиентов.

Утром я собралась выпить кофе и подошла с чашкой к стеклянной стене офиса. Я погрузилась в созерцание серой Сены и такого низкого неба, что было страшновато, вдруг оно поглотит нас. Мне хотелось спокойно провести последние пятнадцать минут до активного начала нового дня.

– Привет, Рен!

Поль тоже явился раньше. Он порылся в кухонных шкафчиках и приготовил мерзкий растворимый кофе с каплей молока, которым регулярно пытался напоить меня. Он находил свою мешанину оригинальной, а то и шикарной, а я всегда твердила, что это снобизм в чистом виде. Через пару минут он подошел с кружкой к моему пункту наблюдения. Неожиданно для себя, я прижалась лицом к его плечу, а он обнял меня за талию.

Я любила Поля. И он любил меня. Впрочем, мы часто повторяли это друг другу, и между нами не было ничего двусмысленного, наши отношения были простыми и понятными. Со стороны это выглядело как такая странная, не поддающаяся определению любовь. Для нас же она была совершенно нормальной, естественной, это навсегда, мы неразлучны. Мы могли все обсуждать, для нас не существовало запретных тем, нам нечего было скрывать, мы были друг для друга поддержкой, жилеткой для слез, защитой и опорой. Я приводила его в отчаяние своими жалкими или почти несуществующими любовными историями, он веселил меня своими – гораздо более причудливыми. Когда у него на прицеле появлялась женщина, он ловко лави-

ровал между безразличием и заинтересованностью, играя с “объектом”, словно кошка с мышкой. Включал небрежные повадки пятидесятилетнего денди, щеголял спортивной фигурой и серебрящейся шевелюрой, играл – а порой и злоупотреблял – своим меланхоличным взглядом. Внешность и манеры непринужденного и галантного соблазнителя стабильно приносили Полю успех у дам. Подозреваю, что он так окончательно и не оправился от развода, и самым впечатляющим последствием этой травмы как раз и было его порхание от женщины к женщине, нежелание брать на себя обязательства – чтобы больше никогда не пришлось страдать.

– У тебя что-то не так? – прошептал он мне на ухо.

– Нет, нет, все в порядке.

– Расскажешь кому-нибудь другому! Думаешь, я проглочу эту отговорку?! Ты уже на Новый год была сама не своя. Печальный вид, витаешь в облаках... С тех пор лучше не стало. Я же знаю, если ты куришь с утра, значит, у тебя что-то неладно. Даже не пробуй отрицать, от тебя разит табаком.

Я постаралась скрыть, насколько меня тронули его забота и наблюдательность.

– Мне просто немного грустно, вот и все...

Я отодвинулась от него, понимая, как нелепо страдать из-за того, что Ноэ вот-вот обретет самостоятельность.

– Рен! – В его возгласе послышалось мягкое осуждение.

– Пойду поработаю. – Я направилась к своему столу, стремясь поскорее закрыть эту тему.

– Для меня не секрет, что следующий год будет для тебя нелегким. Тебе тяжело дается каждый серьезный этап в жизни Ноэ, и, будем реалистами, в ближайшие месяцы вас ждет их сразу несколько. Поэтому в твоей голове тикают часы. Сознайся...

Я резко затормозила. Поль умеет для всего найти точные слова.

В данном случае он прибегнул к эфемизму. Восемнадцатилетие моего сына. Его бакалавриат. Водительские права. Первые каникулы не со мной, а с друзьями. Мой первый отпуск в одиночестве.

Я обернулась к Полю и грустно улынулась, не скрывая подступившие слезы.

– Я справлюсь.

– Конечно, справишься. Но ты же помнишь, что я всегда рядом?

– Естественно, помню. А пока, если ты найдешь хороший заказ, я готова включиться.

Он серьезно посмотрел на меня, что-то пробормотал себе под нос, а потом как-то странно засмеялся. Для меня было загадкой, что с ним происходит, я чувствовала, что он едва ли не злится, во всяком случае, нервничает и непонятно чем озабочен.

– Может, я что-нибудь сумею сделать.

Я не стала дожидаться, пока Поль что-то изобретет, чтобы встряхнуть меня. Связанное с первым школьным днем подавленное настроение растворилось в повседневных делах и в удовольствии от работы. Заказы накапливались; мы с Полем целенаправленно наполняли клиентский портфель “Ангара”, хотя теперь уже могли позволить себе роскошь кому-то отказать. Я распределяла задания между сотрудниками, вела переговоры с топ-менеджерами заказчиков, требующие дипломатических талантов, связывала между собой всех участников проектов, помогая им вникнуть в цели и предпочтения клиента.

И все же Поль поймал меня на слове. Через месяц он явился ко мне в кабинет в приподнятом настроении и протянул чашку своего отвратительного пойла.

– Ты рвалась в бой? Получай! – объявил он с порога.

Я с трудом оторвалась от монитора, не в состоянии сразу включиться и расшифровать неожиданный энтузиазм Поля.

– Ты о чем?

– Готов занять тебя на ближайшие недели, а то и месяцы. Бросай все.
Что у него на уме? Что происходит?

– Даже так?

Он гордо кивнул и начал излагать. В прошлом году к нему обратился некий предприниматель из Сен-Мало, совладелец фирмы по экспорту-импорту чая и кофе под названием “Четыре стороны света”. В тот период у нас было слишком много работы, и Поль не ответил толком на запрос информации. Мое подавленное настроение напрягало Поля. Мы постоянно заботились друг о друге, и ему не нравилось, что его напарница не в своей тарелке. Впрочем, на его месте я бы реагировала ровно так же. Поскольку ему хотелось, чтобы ко мне вернулись жизнерадостность и прежний азарт, он снова обратился к этому предложению и почувал, что тут светит большой контракт.

– Слушай, этот тип явно знает свое дело, но во всем остальном он хуже профана. Сайт фирмы он, похоже, выиграл в девяностые годы прошлого века на деревенской ярмарке.

Я прыснула – Поль с его немыслимыми сравнениями!

– Если я правильно поняла, нужно будет все создавать заново?

– Абсолютно все! Огромные перспективы!

– А он готов начинать с нуля?

– Да, очень похоже на то! Ему интересно, что мы можем ему предложить, я задел его за живое... Ну, ты меня знаешь, я с ним не слишком церемонился.

Поль считал, что погрешности вкуса непростительны, и при этом не всегда отдавал себе отчет в том, как действуют на собеседника его слова. Он считал своим долгом заставить людей относиться к эстетике с уважением.

– Его контора успешна?

– Еще как! И это хуже всего! Я сказал ему чистую правду: он мог бы быть еще сильнее, используя имидж и грамотные коммуникации. То есть человек мотивирован, остается лишь одна проблема – его компаньон, который полагает, что наша работа никому не нужна. Он намекнул, что только цифры обещанного роста могут поколебать нежелание партнера работать с нами.

Хозяева фирм нередко смотрят на вещи по-разному, что меня вполне устраивает. Я люблю ткнуть спорщиков носом в их противоречия.

– И какой у нас следующий этап?

– На следующей неделе ты познакомишься с ним, я тебе назначил две рабочие встречи. Действуем как обычно: ты не собираешь информацию об этой конторе, разве что заглянешь на сайт, и не составляешь никакого мнения, пока не увидишь их. Сначала ты побеседуешь с более увлеченным. Я в тебе уверен, ты что-нибудь придумаешь, чтобы убедить трусливого. Кстати, он тоже, возможно, объявится, хотя кто его знает. По этому заказу руководителем проекта будешь ты, пора тебе как следует попотеть, чтобы отвлечься от мрачных мыслей!

Когда я в последний раз вела проект целиком, от А до Я? Слишком давно. Издержки положения компаньона. Я наблюдала, как другие сотрудники выполняют то, что раньше так нравилось делать мне самой...

– И морской воздух пойдет тебе на пользу.

Он был прав. Интересная работа на берегу моря отвлечет меня от материнских страхов. Поль отлично знал меня. К тому же мне нравились трудные заказы, а для этой конторы мы будем создавать буквально все, и в наших силах помочь им взлететь достаточно высоко. Я была в восторге от вызова, который он мне только что бросил. От предвкушения увлекательной задачи у меня засверкали глаза. Мой энтузиазм не ускользнул от его внимания.

– Спасибо.

Он печально улыбнулся и встал. Почему его улыбка была печальной, осталось для меня загадкой.

– И вот еще, – добавил он, уже подойдя к двери, – я все организовал, и в тот вечер, когда тебя не будет дома, мы с Ноэ займемся скалолазанием.

Несколько лет назад Поль приохотил Ноэ к этому занятию. С тех пор мой сын полюбил скалолазание. Да, ему нравилось карабкаться на стену обвязанным веревкой, но я подозреваю, что самый большой восторг у него вызывали часы, проведенные вдвоем с Полем. Каждую неделю на это выделялся один вечер, и они бы не отменили его ни за что на свете. Меня забавляли их ритуальные вылазки *в мужской компании*.

Поль всегда уделял Ноэ много времени и сил. Он мог бы занять место его отца, но никогда на это не соглашался, причем по нескольким причинам.

Его отношения с собственными детьми с годами не улучшились. Теперь они были взрослыми: двадцать три года одному, двадцать пять другому. Несмотря на все старания Поля сохранить хотя бы видимость нормального общения, они соглашались встречаться с отцом только в двух случаях: неделя в Куршевеле, полностью оплаченная Полем, или непродолжительный ужин во время приезда Поля в Париж, если ужин действительно будет недолгим и без напряжения. Он выполнял все условия и платил, чтобы избежать окончательного разрыва, но очень страдал, а меня это злило, можно даже сказать, сводило с ума. Охотно бы убила его бывшую жену или хоть врезала бы ей с удовольствием, потому что она сломала его в свое время и в некотором смысле продолжала калечить сейчас, мешая детям помириться с отцом и настраивая их против него. Сколько раз я наблюдала, каким подавленным, замкнувшимся в себе, мрачным возвращался Поль! Я сердилась на себя за то, что не могла ему помочь. Так случилось, что однажды я пошла с ним на такой ужин. Меня шокировало и оскорбило поведение дурно воспитанных детей, которые не проявляли никакого уважения к отцу. Если бы разъяренный взгляд Поля не заставил меня замолчать, я бы взорвалась и поставила этих поганцев на место. На обратном пути он оправдывался, объясняя свою снисходительность тем, что это единственный способ сохранить для себя хотя бы маленькое место в их жизни. Он умолял меня принять его позицию, уважать его выбор. С тех пор, пока он с ними общался, я терпеливо ждала и сдерживала возмущение, оберегая Поля и не желая сыпать соль на его раны. Я всегда была готова выслушать его или просто быть рядом, оставаясь молчаливой и доброжелательной.

Поль не хотел переносить на Ноэ отцовские чувства, считая, что это безнравственно. Историю моего сына он знал целиком и полностью, с первого дня его жизни. Внутренние конфликты были бы слишком сильными, слишком бурными. Мне не в чем было упрекнуть Поля. Он сумел найти верный тон в отношениях с Ноэ. Часто я наблюдала за обоими, когда они были заняты собой и я для них не существовала, мне нравилось смотреть, как они разговаривают, смеются, спорят, понимают друг друга с полуслова, с полужеста. Поль практически воспитывал его вместе со мной, но при этом никогда не навязывался. Он полагал, что только я имею право принимать решения применительно к Ноэ. В определенном смысле, Поль заменял моему сыну доброжелательного, всегда готового прийти на помощь крестного – но не зануду и не ментора. Ноэ слепо доверял ему и с годами научился ценить его расположение. С моими родными у него все складывалось по-другому. Временами контакты в семье становились, с его точки зрения, излишне тесными. И вовсе не из-за того, что его положение в ней чем-то отличалось от положения его двоюродных братьев и сестер. Его не то чтобы как-то особенно опекали. За тем лишь исключением, что каждый член семьи из лучших побуждений, стремясь поддержать меня, с раздражающим упорством вмешивался в наши привычки и в его воспитание. Ноэ вырос, и у него все чаще просыпалось желание послать родственников подальше. Мальчик слишком любил их, чтобы так поступить, но он нуждался в воздухе и пространстве.

Тем же вечером я сообщила Ноэ, что на следующей неделе мне придется уехать на пару дней. Год назад я начала оставлять его одного, если мне нужно было уехать по работе. Я посчи-

тала, что теперь ни к чему отправлять его на ночевку к школьным друзьям, к Анне или Полю. Он стал достаточно взрослым и ответственным, чтобы сутки обойтись без меня. И был от этого в восторге! Поэтому я очень удивилась, увидев, что он насупился.

– Интересно, чем ты недоволен?

– Это уж слишком, мама!

Он оскорбленно вздохнул, встал из-за стола и скорее швырнул, чем поставил тарелку в посудомоечную машину. Какая муха его укусила?

– Послушай, я уже несколько месяцев упрощаю тебя съездить на выходные в Сен-Мало, а ты как ни в чем не бывало отправляешься туда по работе и бросаешь меня в Руане!

Я улыбнулась. Как многие другие мальчишки, он в раннем детстве увлекался пиратами и корсарами. До сих пор помню, как вылезла из кожи вон, чтобы подарить ему на Рождество огромный пиратский корабль *Playmobil*. Теперь конструкторы *Playmobil* ушли в прошлое, но одержимость Ноэ пиратами никуда не делась. Она, конечно, видоизменилась, стала более сдержанной – “перед друзьями неловко”, – но это не лишило меня удовольствия изучить вдоль и поперек, а также с многочисленными повторами приключения Джека Воробья. В последнее время, а если быть точнее, прошлым летом его страсть стала более разносторонней и осмысленной. Перед нашей поездкой на каникулы я предложила ему самостоятельно подобрать несколько книг в дорогу и не вмешивалась в его выбор. В конце концов, лишь бы он читал, это главное. Он поразил меня, притащив из книжного магазина два кирпича по семьсот страниц каждый. Мне не пришлось вникать в аннотации на обложках – двух слов хватило, чтобы раскрыть причину покупки: корсары и Сен-Мало.

Все две недели нашего отдыха Ноэ каждую свободную минуту набрасывался на свои книги. Он проглотил этот исторический роман, смакуя каждое слово, каждую фразу, каждую страницу. А отрываясь от него, улетал куда-то далеко, очень далеко. Путешествовал вместе с “господами из Сен-Мало”³. После этого я и пообещала ему съездить туда на выходные, однако со временем обещание вылетело у меня из головы.

– Ноэ, повернись ко мне.

– Чего?

– Напоминаю, я еду туда по работе.

Он скептически пожал плечами.

– Если на следующей неделе все пройдет хорошо, мне, по всей вероятности, нужно будет там бывать регулярно.

Он криво ухмыльнулся, явно довольный:

– Правда?

– Да... И я даже смогу устроить поездку во время каникул.

– Тогда тебе надо выложиться по полной, мама! – загорелся он, и глаза его засияли.

Я расхохоталась, меня позабавила его корыстная поддержка. Получается, сын припер меня к стенке! Не оставил мне выбора: я просто обязана получить этот контракт и свозить его на выходные в Сен-Мало.

В следующее воскресенье мы, как у нас заведено, обедали у родителей. Примерно раз в два месяца наша семья в полном составе собиралась у них в доме. Для мамы с папой это важно, но, впрочем, никому не приходилось себя заставлять. Это не было тяжелой повинностью даже для подрастающих внуков. Детям Анны и Людовика было, конечно, сложнее соблюдать традицию с тех пор, как они уехали из Руана – сначала учиться, потом работать, – однако и они всякий раз делали все, что в их силах, чтобы непременно приехать. На мою сестру можно смело положиться: уж она-то задействует все, чтобы заманить детей в родное гнездо. Но им не на

³ Имеется в виду роман Бернара Симио “Эти господа из Сен-Мало” (Bernard Simiot, *Ces messieurs de Saint-Malo*, 1983).

что было жаловаться, потому что приезд детей всегда становился для нее поводом побаловать их, причем она даже охотно включала в сферу своей заботы их друзей и подружек, которые поочередно присоединялись к семейному клану.

Разговор за обедом не умолкал, причем все усердствовали, перебивая друг друга. Нам было интересно услышать новости из первых уст, даже если все уже было в курсе всего. Сама не зная зачем, я сообщила, что через неделю поеду в служебную командировку, и объявила, что, возможно, в следующий раз возьму Ноэ с собой. Я даже не подозревала, что, сама того не желая, подставила его.

– На сколько ты уезжаешь? – немедленно откликнулась Анна. – Ноэ, поживешь у нас?

Сын испуганно застыл. Анна по-прежнему считала его еще маленьким и не вполне независимым школьником, а заодно и тем ребенком, который поможет ей дотерпеть до момента, когда она станет бабушкой.

– Э-э-э... ну-у-у... вообще-то...

Я бросилась на помощь бедняге, которому все больше нравилось оставаться одному дома и отчаянно не хотелось очутиться под крылом моей сестры.

– Нет, спасибо тебе большое, но не стоит. Ноэ останется дома, за ним присмотрит Поль. У сестры сделалось такое лицо, будто я сообщила ей о конце света.

– Ты уверена?

– На сто процентов.

Ноэ облегченно перевел дух.

– Но ты же мне позвонишь, если что, – продолжала она настаивать.

– Обязательно, Анна.

– Ладно, – вмешался Людовик, на которого наши переговоры не произвели впечатления. – Кто со мной на велосипеде?

Он выступал с этим предложением после всех семейных обедов, и оно всякий раз звучало у него так, будто было чем-то необычным. Мужчины, и первым мой сын, с готовностью вскочили. У них ушло меньше пяти минут на то, чтобы убрать со стола, поставить посуду в машину и умчаться в гараж. К нам они снова присоединятся часа через два, забрызганные по уши грязью и немислимо гордые собой. Обеспокоенная мама нежно дотронулась до моей руки.

– Все-таки не стоит так выкладываться на работе, дорогая.

– Да у меня все прекрасно, честное слово. И этот заказ будет замечательным! К тому же, между нами, с какой стати мне жаловаться на поездки к морю в ближайшие дни, особенно если получится взять с собой Ноэ! Было бы глупо упустить такую возможность.

– Ты абсолютно права, – с энтузиазмом подхватила Анна. – Наслаждайся общением с сыном, пока можно. Когда у него начнется собственная жизнь, ты его больше не увидишь!

Спасибо тебе, дорогая старшая сестра, умеешь ты подбодрить.

Глава третья

В день отъезда я нервничала. Я предложила отвезти Ноэ в лицей, он отказался, напомнив, что сегодня не понедельник и мне ни к чему торчать там на глазах у его приятелей. Он явно не разделял моих переживаний по поводу того, что вечер мы проведем не вместе. Уже перед входной дверью я выдала последние распоряжения и советы, погладила по щеке и даже позволила себе взъерошить сыну волосы.

– Хватит, – запротестовал он не то смущенно, не то иронично. – Тебя же не будет только до завтра! Интересно, что ты устроишь, когда я буду уезжать на каникулы?

Не хочу даже думать об этом!

– Вечером позвонишь?

– Обязательно.

Он поцеловал меня в щеку, а я не удержалась и прижала его к себе.

– Ты что-то от меня скрываешь! Что-то тут нечисто, – заявил он.

Я захлопала ресницами, чтобы не расплакаться, и через силу отпустила его.

– Ерунда, Ноэ! Ты взрослеешь, вот и все.

Удивленный моими словами, он недоуменно вытаращил глаза.

– До завтра, мама.

Он клюнул меня в щеку и слетел по лестнице.

– Я люблю тебя, Ноэ, – прошептала я.

Он был слишком далеко, чтобы услышать, но все же обернулся и улыбнулся мне широко и лучезарно. Постоял и несколько долгих секунд всматривался в меня. Прощальный взмах – и он исчез.

Утро в агентстве было напряженным, а все три часа пути я не отрывалась от телефона и решала вопросы, которые нельзя было отложить на завтра. Мое отсутствие мало что меняло, работа следовала установленному графику. Я подъехала к Сен-Мало около четырех часов дня и положила на навигатор, не заботясь о выборе маршрута. Ноэ – как эксперт по Сен-Мало – проинформировал меня, что я не сразу попаду в исторический центр, окруженный крепостной стеной, поскольку город и вне укреплений довольно большой. Правда, он забыл предупредить, что я застряну посреди развязки перед дурацким мигающим дорожным знаком, извещающим, что мост закрыт. Мне в голову не пришло, что дорогу могут преградить шлюзы! С одной стороны внутренняя гавань, с другой – море, между ними медленно проплывают корабли. Местным наверняка были известны какие-то тайные объезды, потому что только я, несчастная идиотка, покорно дожидалась перед шлагбаумом. Напротив, по другую сторону от этого безобразия, высился город флибустьеров и, соответственно, мой отель. Поль с его нескрываемой любовью к роскоши заказал мне номер в четырехзвездочной гостинице. Но в данный момент я сидела в машине, размышляя о работе и устав от дороги, и потому предпочла бы какое-нибудь скромное жилище в пригороде. Достопримечательности меня не интересовали, тем более что на них у меня не хватит времени, моя задача была ясной и понятной: заполучить новых клиентов. Впрочем, я несправедлива... Какое у меня право сердиться на Поля за то, что он захотел побаловать меня! Мои мучения, однако, еще не закончились, и когда мост и дорогу наконец-то открыли, навигатор, который явно обиделся на меня, потребовал, чтобы я проехала за крепостные стены.

– А больше ты ничего не хочешь? – возмутилась я.

Я живо представила себе, как застряну в тупиках и узких улочках, и предпочла дойти до отеля пешком.

Выйдя из машины, я вдохнула большую порцию воздуха. Слишком большую, как выяснилось! Порыв ветра стегнул меня по лицу, в небе толклись огромные тучи, кое-где их робко пробивали слабые лучи солнца. Кричали чайки, в порту громко скрипели корабельные мачты. Ноэ был бы в восторге. Застыв с дорожной сумкой в руках, я озиралась по сторонам. Зрелище было впечатляющее. Слегка подавленная мощью крепостных стен, я вошла в ворота Сен-Венсан, главный вход в исторический центр, тот самый укрепленный город, о котором мне столько говорил сын. Я приближалась к гостинице, и с каждым шагом меня все больше покоряла таинственная атмосфера узких улочек, в которых я бы с удовольствием заблудилась. Бестолковая поездка из Руана в Сен-Мало уже осталась далеко. За крепостными стенами я чувствовала себя пленницей и одновременно как будто защищенной от всех опасностей. Удивительное ощущение. Парадоксальное. Раньше я с таким не сталкивалась. А еще было довольно темно, на небе полно туч, но дневной свет все же прорывался сквозь них. Колдовское очарование места, по всей вероятности, усиливалось благодаря тому, что еще стояла зима. Я представляла себе, какой душливой должна быть здешняя атмосфера летом, когда тут собираются толпы отдыхающих. Но сейчас, в конце февраля, лишь редкие гуляющие набирались смелости поспорить с ветром. И еще удивившие меня своим появлением школьники, которые высыпали на улицу после занятий. Ноэ позавидует им, когда я расскажу, что в городе есть лицей. Не стану кривить душой, я получала удовольствие, открывая для себя этот город в одиночестве, избавленная от потока слов, в котором меня утопил бы сын.

Около половины шестого я ехала вдоль гавани, где соседствовали разные века, представленные, соответственно, рыболовными траулерами и двумя старыми парусниками, “Лис” и “Королевская звезда”. Из какой они эпохи? За ответом достаточно обратиться к моему сыну. В детстве Ноэ не постеснялся бы закатить истерику, чтобы его отвезли на парусники. Впрочем, он бы настаивал на их посещении и сейчас, в свои такие взрослые семнадцать лет. Меньше чем через три минуты я припарковалась перед “Четырьмя сторонами света” на набережной Дюге-Труэна. По незнанию я поехала на машине, без которой легко бы обошлась, потому что фирма находилась совсем рядом с гостиницей. Десять минут пешком были бы мне только на пользу. В следующий раз учту!

Я уделила немного времени изучению общей картины. Вообразила, что не имею ни малейшего представления о том, чем занимается компания. Захочется ли мне открыть дверь? Потянет ли меня любопытствовать, что скрывается за вывеской, исполосованной солнцем и ветром? По первому впечатлению, здание – что-то вроде старого промышленного пакгауза, зажатого между двух домов, – было невзрачным. Но если присмотреться, выяснялось, что оно красивое и явно относится к другим временам. Глядя на него, не угадаешь, что скрывается за дверьми. Деревянные бочки по обе стороны от входа могли с равным успехом обозначать и таверну, и логово контрабандистов. Прав был Поль, утверждавший, что у самого места мощный потенциал.

Перешагнув порог, я провалилась в пространственно-временную брешь. Для начала – ароматы. Мгновенное кругосветное путешествие для обоняния: запахи корицы, перца, кофе, перемешиваясь друг с другом, вызвали взрыв ощущений. Размеры пакгауза ошеломляли: снаружи и не заподозришь, что он такой огромный. Мне сразу пришло на ум некое тайное место, загадочная пещера, полная сокровищ. Повсюду поддоны с громадными картонными коробками, бумажными и джутовыми мешками с надписями одна экзотичнее другой, наглухо закрытые деревянные ящики, от которых исходили разные запахи. В одном углу были составлены бочки – пластиковые на сей раз, – в которых что-то хранилось. В самой глубине этого одноэтажного пространства стояла гигантская машина, словно прошагавшая через века и увенчанная чем-то напоминающим трубу. Для чего она могла служить? Для обжарки кофейных зерен, возможно. Все помещение было организовано вокруг большой центральной лестницы из дерева и

металла. Двигаясь по нему, я заметила в углу нечто вроде стойки, за которой суежилась невысокая молодая девушка. Я направилась к ней и представилась. Я не успела назвать свое имя, потому что, едва услышав слово “Ангар”, она отвела взгляд в сторону и задергалась.

– Какая-то проблема?

– Нет... Точнее, да! Вы пришли заранее?

– Вроде нет... Я вовремя. С чего вы взяли?

– Паком опоздает, – проговорила она, опустив глаза.

Как-то неудачно все начиналось.

– Опоздает? На сколько?

– Очень опоздает. Минимум на час. Он только что позвонил и велел вас предупредить.

Может, я еще должна поблагодарить его?!

– А кто-нибудь другой может со мной поговорить?

– Ммм... нет... Второго хозяина сегодня нет.

Я не скрывала раздражения и даже подумывала, не собрать ли манатки и не уехать ли, наплевав на все. Поль с его непроработанными затеями! Но мне не хватало пороку на обратную дорогу в Руан.

– Могу я где-то устроиться, чтобы поработать?

– Конечно! Пойдемте.

Она провела меня мимо разных товаров в маленькую комнату отдыха под центральной лестницей. Я была обескуражена. Моя сумка полетела в кресло, обтянутое потрескавшейся кожей.

– Извините, – сказала девушка.

– Вы тут ни при чем.

– Могу я предложить вам кофе? Или лучше чай?

– Полагаю, этого здесь в избытке.

Она искренне рассмеялась, явно почувствовав облегчение от того, что я не набросилась на нее из-за опоздания шефа.

Следующие полтора часа я просидела за ноутбуком, занимаясь своими проектами и продолжая прислушиваться и присматриваться к царившему вокруг оживлению. На складе кипела работа: сотрудники непрерывно ходили взад-вперед, поддоны перемещались с места на место, одни выносились, другие заменяли их, оставляя за собой мощные, яркие ароматы. Склад при ближайшем рассмотрении оказался полон жизни. Настоящая контора колониальной торговли, вынырнувшая прямоком из прошлого. Мужчины и женщины появлялись около лестницы на пять – десять минут, чтобы выпить кофе или чаю, и снова уходили, немного поболтав. Голоса потихоньку стихали, а потом окончательно исчезли. Ближе к семи встретившая меня девушка подошла попрощаться – она и так уже задержалась дольше положенного, и теперь ей необходимо уйти. Она оставила меня “на хозяйстве” и заверила, что пресловутый Паком сейчас прислал сообщение, что появится не позже чем через пятнадцать минут. Его как будто не волновало, что чужой человек сидит у него в офисе. Меня ждало знакомство с безответственным и к тому же невоспитанным типом. Я была на взводе, но все-таки проглотила саркастичную реплику – сдержалась из уважения к девушке, которая ни в чем не виновата.

Оставшись в одиночестве, я достала из сумки сигареты и пошла к выходу. Перед тем как перешагнуть порог, я убедилась, что дверь за мной не захлопнется. Не хватало только застрять на улице! Уже давно стемнело, ветер дул с прежней силой. Холод пробрался мне под свитер, я задрожала. Продолжая курить, я обменялась несколькими эсэмэсками с Ноэ. Поль только что заехал за ним по дороге на скалодром. Мои переговоры вызвали активный интерес у сына, что с ним случилось впервые. Я ограничилась кратким “Всё супер!”. Но вообще-то... Во что

я вязалась? Одна в пакгаузе, в тревожном ожидании делового знакомства, которое, по всей видимости, не должно сегодня состояться.

Я услышала, как на парковку напротив пакгауза на бешеной скорости влетел автомобиль. Громко хлопнула дверца, тень пересекла дорогу, игнорируя проезжающие машины. Видимо, это был тот, ради кого я здесь. Передо мной застыл мужчина, которого я дожидалась почти два часа.

– Это вы из агентства коммуникаций? – спросил он без всякого вступления.

Он оглядел меня от макушки до пяток, а я едва удержалась от пощечины.

– Правильнее было бы начать с “Добрый вечер, прошу прощения за опоздание”!

Он вроде спустился с небес на землю и встряхнулся, словно нашкодивший пес.

– Мне правда неловко. За все – и за опоздание, и за неумение вести себя... Единственное, что могу предложить в качестве оправдания, – я ожидал увидеть мужчину.

И где тут связь?

Все больше раздражаясь, я похлопала ресницами, ругая в душе Поля, который, судя по всему, забыл уточнить, кто из нас двоих приедет.

– По телефону с вами говорил мой компаньон, и вы ошибочно решили, что будет он. Но какая разница, он или я?! Если для вас это важно, сразу скажите, чтобы я не тратила зря время!

– Конечно, не важно! Я неправильно выразился.

От нового порыва ветра меня бросило в дрожь, что не ускользнуло от его внимания.

– Почему вы на улице? Согласен, с пунктуальностью у меня не очень...

Он что, издевается надо мной?

– Но я ни за что не поверю, что вас выставили за дверь.

Я поднесла окурок поближе к его глазам, после чего выбросила в пепельницу рядом. Ухмыляясь, он открыл дверь пакгауза и отступил в сторону, пропуская меня. Оказавшись в тепле, я вознамерилась поскорее со всем разобраться.

– Послушайте, я не знаю, зачем я вас ждала, ведь, как ни крути, уже слишком поздно, чтобы обсуждать дела. Сейчас я поеду в отель, а завтра утром в девять мы побеседуем. Рискну надеяться, что на этот раз вы не опоздаете.

– Не буду спорить, вы абсолютно правы. Но тогда позвольте хотя бы пригласить вас на ужин.

У меня не было ни малейшего желания обмениваться с ним светскими любезностями, и я устало отмахнулась от приглашения.

– Если бы все шло по плану, как мы договорились, я бы тоже пригласил вас, – настаивал он. – Как же без этого? Вы приехали за триста километров, сняли номер в гостинице и т. д. и т. п. Нужно же поддержать рабочие отношения? Так ведь поступают цивилизованные люди, разве нет?

– Цивилизованные люди, как вы их называете, приходят вовремя, – съязвила я.

– Один – ноль.

Он поймал мой взгляд. Глаза у него были серые, словно тучи. Я заставляла себя не пялиться на него, изучая потемневшую от непогоды кожу, грубо вылепленные черты лица, хмурю улыбку. И потерпела сокрушительное поражение.

– Совместный ужин, возможно, поможет нам начать с более благоприятных стартовых позиций.

Я вынуждена была согласиться, он прав. Если мы не начнем все с нуля, есть опасность, что я и завтра явлюсь в паршивом настроении и стану злиться на него.

– Хорошо...

Его улыбка из хмурой превратилась в явно довольную.

– Берите вещи, я зайду на пару минут к себе в кабинет и буду в вашем распоряжении.

Он развернулся и взбежал по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Я же постаралась спуститься с небес на землю и честно признала: он волновал меня, что было как минимум странно, если учесть, что я только что прождала его два часа кряду, придумывая страшные кары, которые он понесет за свое опоздание. К тому же я не из тех женщин, которых привлекают грубые мужчины.

– Скажите мне только... – обратился он ко мне, перегнувшись через перила. – Если мы будем работать вместе, хорошо бы знать ваше имя.

Я кивнула:

– Рен, меня зовут Рен. А вы Паком?

– Точно.

Ожидая его, я быстро позвонила Ноэ, он ответил прямо со стены, на которую карабкался, и был в отличном настроении. Оно еще улучшилось, когда я сообщила, что иду ужинать с партнером по переговорам. Он передал это Полю, и я услышала, как тот похвалил меня. Знал бы он... Сын пообещал мне как следует запереть дом и попросил не волноваться. А завтра мы поговорим подольше, предложил он.

Несколько минут спустя, когда Паком спустился за мной, я была уже в пальто, готова к выходу и ждала его. Я последовала за ним, лавируя между товарами. Он не мог удержаться и запуская руку в мешки с кофе и чаем, мимо которых мы проходили. Он даже ухватил обжаренное кофейное зернышко, потер его между пальцами и поднес к носу. Мне почудилось, что он замурлыкал от удовольствия, и я хихикнула, словно девчонка-школьница.

– Я отвезу вас, – объявил он на парковке.

Он открыл дверцу со стороны пассажира, не оставив мне выбора.

Через несколько минут он припарковался как попало на тротуаре и жестом показал мне, чтобы я выходила из машины. Я молча последовала за ним. Он поднял воротник теплой куртки, а я спрятала нос в шарф, чтобы хоть как-то защититься от пронизывающего холода. Я слышала урчание волн, мощный запах йода дурманил меня. Мы пришли на дамбу. Протяженность песчаного пляжа изумляла, он начинался от крепостных стен с вечерней подсветкой и простирался вдаль, исчезая в темноте.

– Вы что-то слышали о Сен-Мало? – Он смотрел куда-то мимо меня.

– Почти ничего.

– Это пляж Сийон. Полоса песка, которая раньше связывала город с материком. Я подумал, что морской пейзаж поможет нам успокоиться.

– Хорошая идея...

Как замороженная, я непроизвольно двинулась вперед и остановилась почти у самой воды. Море в прилив было высоким, очень высоким, оно с грохотом билось о гранитный парапет, швыряя водяные снопы прямо туда, где мы стояли. Я набрала полные легкие воздуха, зажмурившись, опьянев от шума, запахов, буйства стихий, водяных брызг, хлещущих по лицу. Мои волосы развевались на ветру. Я подумала о Ноэ и об удовольствии, которое он получил бы, оказавшись на моем месте. Я захмелела от ветра, мне было радостно.

– Рен, отойдите от края, – распорядился Паком. – Мне совсем не хочется нырять за вами.

Я перевела дух, вдруг поняв, как рисковала. Мне стало спокойней, когда я ощутила за спиной Пакома, готового подхватить меня, если я потеряю равновесие. – Это великолепно, – сказала я, отодвигаясь от него. – Спасибо, что привели сюда.

– Не за что, мне самому хотелось побыть здесь. Подозреваю, что ваш отель в “Интра”.

Мне понадобилось время, чтобы догадаться, что “Интра” означает “Интра-Мурос”, то есть старую часть города за крепостными стенами. Я кивнула.

– Отлично, там и поужинаем.

Как всякий опытный житель Сен-Мало, Паком въехал в исторический центр и мгновенно нашел место для парковки. Он предложил пройтись пешком, чтобы познакомиться со старым городом, и я с удовольствием согласилась – мне хотелось размяться. Пройдя вдоль стены, я уже собралась свернуть на центральную улицу, которую видела сегодня днем, однако Паком, мотнув головой, показал, что мы туда не пойдём. Вместо этого мы пересекли площадь перед замком, построенным герцогами Бретани. По ее сторонам расположились большие рестораны и кафе с обогреваемыми террасами, где я бы с удовольствием посидела и выпила вина. Но в программу моего гида это не входило. Он потащил меня в узкую пустую улочку, на неровных булыжниках которой мне с моими каблуками пришлось нелегко. Мы шли мимо малозаметных баров с темными витринами – из их дверей, когда они приоткрывались, вырывались запахи пива и старого деревянного пола. Я представляла себе, что попала в чрево города, который сомкнулся над нами. На углу одного из переулков, немного в глубине, Паком подвел меня к дому герцогини Анны Бретонской, и меня поразило, что здания той эпохи еще сохранились. Собственная необразованность стала для меня неприятным сюрпризом. Только что я сделала открытие: оказывается, у этого места весьма богатая история. Продолжая молча слушать объяснения Пакома, я опять вспомнила о Ноэ, когда мы проходили мимо лица, насчитывающего несколько веков, того самого, учеников которого я встретила сегодня днем. Временами мой гид замолкал, возможно, чтобы я смогла проникнуться атмосферой этого места. Мы шли рядом по городу, который сейчас, зимним вечером, выглядел покинутым обитателями. Мне было хорошо, но я не могла угадать мысли Пакома и в конце концов спросила, не выполняет ли он тягостную обязанность, проводя для меня экскурсию. Я обратилась к нему, когда мы остановились перед величественным собором:

– Огромное спасибо за прогулку, Паком. Но у вас наверняка найдутся более приятные занятия, чем работать гидом и ужинать со мной. Завтра все пройдет нормально, обещаю не устраивать скандал из-за вашего опоздания.

Он долго всматривался в меня, как если бы только что вспомнил о моем присутствии, после чего подошел поближе, а я выпрямилась, не в силах оторваться от его серых глаз.

– Раз я с вами, значит, я этого хочу.

Он восстановил расстояние между нами и знаком пригласил следовать за ним. От всего этого веяло какой-то таинственностью. Ветер, суровый пейзаж, холод, тьма, тишина и сознание того, что я все время дотрагиваюсь до этого фактически чужого мужчины, и он, вне всяких сомнений, притягивает меня... Выходило, что сегодня совсем не обычный вечер. Как если бы я угодила в параллельное измерение, где мне было странным образом хорошо и комфортно. Шло время, и я все более четко понимала, что мысли о работе улетучиваются одна за другой. Честно говоря, я к такому не привыкла.

Прогулка завершилась в самой простой блинной с деревянными столами и стульями, с уютной и дружелюбной атмосферой.

– Вы здешний? – спросила я, пока мы ждали заказанную еду.

– Вовсе нет! Я вырос в Париже, представьте себе.

– Трудно поверить, такое впечатление, что вы родились прямо на крепостной стене.

Он засмеялся, но я заметила, что мои слова ему приятны. Получается, я случайно нащупала его слабое место?

– Расскажите мне. Давайте поговорим о Сен-Мало.

– Не хочу утомлять вас, я ведь могу говорить на эту тему бесконечно, предупреждаю. А почему вы не хотите рассказать о себе, Рен?

– Разница между нами в том, что мне нужно побольше узнать о вас для своей работы. А моя жизнь к вашей работе не имеет никакого отношения. Я вас слушаю!

– То есть вы меня обвели вокруг пальца и мы сегодня вечером уже приступили к проекту?
Я отпила вина.

– Мы сочетаем приятное с полезным: я выполняю свои обязанности, а заодно получаю удовольствие... слушая вас.

Мне самой трудно было поверить, что я произнесла эти слова. Он помолчал, посмотрел на меня, ожидая подтверждения, и я улыбнулась ему, вдруг почувствовав удивительную легкость. Мой здравый смысл настойчиво требовал права помолчать. Его взгляд продолжил скользить по мне, задержался на губах, шее, спустился к груди, и мое сердце забилося быстрее. Он чуть тряхнул головой, будто пытаясь переключиться.

– Что ж, это было ваше решение.

– Не возражаю.

И я стала слушать рассказ о *его* городе. По словам Пакома, все каникулы он проводил у бабушки с дедушкой, живших “внутри стен”. Его родителям надоели постоянные просьбы и требования отвезти его в Сен-Мало, они сдались и отправили его учиться в лицейский интернат в центре старого города. Он все время подливал нам вино и рассказывал о разных легендарных местах – мысе Горн, мысе Доброй Надежды. Вспоминал великих исследователей и корсаров: Дюге-Труэна, Жака Картье, Сюркуфа. Имена, отсылавшие к историческим событиям и воспоминаниям о детстве – моем и Ноэ.

– Послушайте, Паком, – посмеиваясь, перебила я. – Пираты, корсары – все это одна и та же публика! Не очень-то приличные люди, которые грабили и насиловали!

Его лицо напряглось, я будто даже услышала возмущенное порывивание. Мне стало стыдно, что я его разочаровала.

– Боюсь, я сморозила глупость, – прошептала я. – Извините.

Он заставил меня томиться какое-то время, показавшееся вечностью. После чего безнадежно мрачное выражение его лица превратилось в нахальную ухмылку.

– На этот раз прощаю.

Мы прыснули, глядя друг другу в глаза. А потом я узнала, что, согласно выдаваемым королем каперским свидетельствам, корабли корсаров имели право нападать на неприятельские суда и брать их на абордаж. Эти *милые* господа – в отличие от пиратов, которые были обыкновенными разбойниками, – соблюдали законы военного времени и передвигались на судах меньшего размера ради более высокой скорости и возможности охранять суда покрупнее или же торговые корабли в период военных действий. Я была покорена. Низкий и одновременно мягкий, почти пьянящий голос Пакома вызывал в моем воображении грохот пушек, крики мужчин, ввязывающихся в бой; развевались и хлопали на ветру флаги, бушевали волны, закипала морская пена. У Пакома явно был талант рассказчика: он заставлял меня совершать путешествие во времени. Выражение его лица менялось в соответствии с описываемыми событиями, голос временами затихал настолько, что мне было легко убедить себя, будто мы с ним втайне от противника готовим план атаки.

– На самом деле, – с видом заговорщика подвел он итог, – я вынужден сделать одно признание... Каперство позволяло корсарам возвращаться в порт с полными трюмами, содержимое которых они, естественно, скрывали от адмиралов. Ну и забивать пещеры пиастрами.

Из какой он эпохи? Точно уж не из моей! Я хмыкнула:

– Таким образом, в отличие от пиратов, корсары были вполне уважаемыми господами, заслуживающими безоголосного доверия...

– Ну вот, вы все правильно поняли!

Ноэ упивался бы его словами и дорого заплатил бы за то, чтобы очутиться на моем месте.

После ужина он предложил зайти в бар недалеко от моей гостиницы. Я хотела, чтобы вечер не кончался, мне было хорошо с ним, меня переполнял новый, неведомый дух свободы. Я недоумевала: до этого вечера я никогда не считала себя пленницей собственной жизни, и

уж тем более никогда не задыхалась в ней. Он помог мне понять, что я заблуждалась. Сегодня вечером я, конечно, не забыла о Ноэ, но меня как будто освободили от бессменной роли матери. Такое со мной происходило впервые за последние семнадцать лет: я вдруг отодвинула сына немного в сторону и подумала о себе – о себе как о женщине, пусть хоть на несколько часов. Ну что ж, мне хотелось удержать ненадолго это ощущение и выпить с Паком перед возвращением в гостиницу.

Бочки на маленькой обогреваемой террасе паба, в который он направился, развеселили меня.

– Что вас насмешило?

– Ваше особое отношение к бочкам! На складе их полным-полно, а теперь вы привели меня сюда.

Он плутовато подмигнул:

– Вас это удивляет? Нормально для нас, корсаров!

Его взгляд вдруг потерялся где-то вдаль, как будто он забыл обо мне, погружившись в размышления.

– Позвольте мне выбрать для вас напиток? Хочу, чтобы вы кое-что попробовали.

– Полагаюсь на вас.

Через несколько минут он возвратился с двумя стаканами и сел напротив меня.

– Это маврикийский ром, оцените, какой он тонкий, ароматный, с привкусом фруктов.

Мы чокнулись, продолжая всматриваться друг в друга, и он сразу проглотил половину своего стакана. Я ограничилась маленьким глотком и зажмурилась от удовольствия. Этот нектар, мягко проскользнувший в горло, был теплым, восхитительно теплым, насыщенным ароматами экзотических фруктов. И запретных плодов, сказала я себе.

– Я не сомневался, что вам понравится. – Его серые глаза никак не отпускали меня.

– Божественный напиток.

Он покосился на пачку сигарет, которую я положила на бочку.

– Угощайтесь.

Он взял сигарету, протянул пачку мне, извлек из кармана, словно фокусник, зажигалку, щелкнул и поднес мне огонек.

– Вы загадочная женщина, Рен, – произнес он после минутного молчания.

– Могу вернуть вам комплимент... Я слушаю ваши истории, а вы лишь делитесь со мной своим увлечением и больше ни о чем толком не рассказываете.

Серые глаза заискрились, это значило, что он готов включиться в игру.

– Очко в вашу пользу...

Мы выпили еще немного, цепляясь друг за друга взглядом. Я чувствовала себя все более непринужденно, и в этом лишь частично была заслуга бутылки вина, выпитой за ужином, и первого глотка рома. Мужчина, сидевший напротив, вызывал желание быть соблазнительной. Соблазнять именно его. Я не понимала, что со мной происходит. Откуда у него власть, способная настолько преобразить меня? Вообще-то я не любительница флиртовать, а уж переспать со случайным знакомым – это совсем не мое. Однако рядом с ним я поверила, что имею на это право, я даже хотела этого, словно вошла в кожу другой женщины, которая только внешне походила на меня. Я была с ней в полном согласии, хотя до сегодняшнего вечера не подозревала о ее существовании.

– Что, если мы пока останемся друг для друга незнакомцами? – предложила я.

На его лице появилась кривоватая гримаса.

– Мне идея нравится...

– Почему?

– Люблю рассказывать себе разные истории, перед тем как уснуть.

– Вы будите мое любопытство...

– Ох, вы бы удивились...

Он продолжал раздевать меня взглядом, и чем дальше, тем более откровенно.

– Погодите, если вспомнить кое-что из вашего повествования... Это может быть история корсара, спасающего пассажирку с терпящего бедствие судна.

Он допил ром, я тоже.

– Почти угадали... Хотя мне скорее приходит на ум похищение прекрасной дамы с вражеского судна.

Тяжелое молчание, пропитанное желанием, опять сгустилось за нашим столиком-бочкой. Градус напряжения подскочил. Он знал, о чем говорит, а меня его слова завлекали. Мы не отрываясь смотрели друг на друга, чувствуя, что ситуация вот-вот качнется в одну или другую сторону. Он схватил мой стакан, который я все еще держала.

– Пойду возьму еще по глотку, пока бар не закрылся.

Он принес наполненные стаканы, обогнул бочку и сел рядом со мной. От его тела шел жар. Он развил самую высокую скорость, но у меня еще оставалось время, чтобы прервать эту новую игру, которая слишком быстро затянула меня. Хотела ли я этого? Ответ был очевидным: категорически нет. С тех пор как несколько часов назад я впервые встретила с ним, он волновал меня сверх разумно го. А он не скрывал, что хочет меня. Почему бы один раз не воспользоваться моментом и не поддаться искушению, почему не развернуть паруса по ветру?

– За истории, которые мы рассказываем себе на сон грядущий, – проговорила я, глядя на него сквозь опущенные ресницы.

Я поднесла стакан к губам, он неотрывно следил за каждым моим жестом.

– Мы не можем завершить этот вечер без прогулки по крепостной стене, – неожиданно заявил он.

– Вы уверены?

– Уверен... Допивайте свой ром.

Я покорно подчинилась.

– Пошли.

Через несколько минут мы стояли перед темной крутой лестницей, которая показалась мне очень скользкой.

– Дайте руку, так будет безопаснее.

От этого прикосновения я задрожала. Тем не менее, как только мы добрались до верха, я отпустила его. Нас накрыла черная ночь, луна с трудом угадывалась за густыми тучами. Он позволил мне идти самой. Я прошла вперед и под давлением его взгляда покосилась на него, приглашая приблизиться. Он сделал шаг, резко сократив расстояние между нами.

– Спасибо за прекрасный вечер, Паком.

– Прогуляемся немного?

Он растягивал удовольствие от предвкушения, выпускал на волю адреналин от ощущения, что все дозволено и все возможно. Местами проход становился совсем узким, и мы то и дело касались друг друга. Он остановился, внизу виднелся пляж, почти целиком скрытый приливом, на его дальнем конце угадывалась вышка для ныряния. Мы синхронно облокотились о парапет.

– Это Гран-Бе, – сообщил он, указывая на остров, лежащий совсем рядом. – Там похоронен Шатобриан. Это место стоит посетить днем. Вам понравится, обещаю.

Я растерялась. Он обладал сбивающим с толку даром легко балансировать между двумя ипостасями – мужчины, который хочет женщину, и жителя Сен-Мало, влюбленного в свою скалу, едва ли не одержимого ею. Он трепал мне нервы, это становилось невыносимым.

– Не сомневаюсь.

– Несколько веков назад мы бы не смогли прогуливаться здесь ночью.

Я недоуменно приподняла брови.

– В те времена на берег выпускали голодных псов, чтобы защитить город от захватчиков, и никто не имел права выходить из дому под угрозой заточения в темницу.

– Вы мне сказки рассказываете?!

Его лицо стало строгим, несмотря на дурашливые искорки в глазах.

– Это чистейшая правда.

Он чуть наклонился ко мне, прищурился и приготовился снова околдовывать своими преданиями.

– Рассказывают, – прошептал он, будто собираясь раскрыть страшную тайну, – что некоторых кавалеров, которые слишком долго оставались у своих пассий и не услышали Ногет, сожрали псы.

– Ногет?

Он настолько увлек меня, что я заговорила так же тихо, как он.

– Это колокол, который возвещал комендантский час, то есть время, когда пора возвращаться домой.

Легенда захватила меня.

– Ну и как, он давно уже прозвонил?

– Очень давно...

Он подошел ко мне, продолжая говорить, и – я к этому не была готова, хотя вообще-то ждала от него некоего жеста, но не знала, когда он рискнет переступить черту, – его ладонь потянулась к моему лицу, и большой палец чувственным движением коснулся губ.

– Я должен задать вам вопрос, – прошелестел он.

– Я слушаю.

Мое дыхание ускорилося, я качнулась вперед, чтобы палец не оторвался от моих губ.

– Я очень хочу вас поцеловать, но...

– Вам нужно мое разрешение?

– В некотором роде...

– Корсар не задал бы такой вопрос...

Судя по всему, я была права, потому что он рывком притянул меня и набросился на мои губы, как на добычу. Опьянение и тот самый дух свободы позволили мне полностью ему довериться, забыть обо всем, кроме него. А целовать Паком умел. Его губы, его язык терзали меня, мне едва удавалось устоять на ногах. Я прижалась к нему, мне хотелось большего. Он понял, расстегнул на мне пальто, и его руки проникли под свитер. Руки были холодными, моя горячая кожа среагировала на прикосновение, и я застонала от удовольствия. Наш поцелуй был бесконечным, у меня закружилась голова. В какой-то момент нам все же пришлось перевести дух. Мы задыхались и не отрывали друг от друга глаз. Потом он задыхался более размеренно, как если бы стремился сохранить спокойствие, но лицо его оставалось хищным и решительным.

– Я... я думаю, нужно проводить вас в отель.

Обратная дорога заняла у нас гораздо больше времени. Мы останавливались каждые две минуты, чтобы лихорадочно целоваться, а если на пути нам попадался редкий полуночник, Паком увлекал меня в очередную темную улочку. У входа в отель мы придали себе более-менее пристойный вид и пересекли холл под ироничным взглядом портье, после чего снова набросились друг на друга, едва войдя в лифт. Он впился губами в мою шею, подтянул мое колено к своему бедру.

– Ключ от вашей комнаты, дайте мне его скорее, я больше не могу сдерживаться.

– В заднем кармане джинсов.

Он рассмеялся и ухватил меня за ягодицы.

Пять минут спустя я лежала на кровати раздетая, прогнувшись под его тяжестью, и, потеряв всякое представление о стыде, с восторгом отдавалась мужчине, который появился в моей жизни всего несколько часов назад. Мы вместе вступили в битву за то, чтобы оттянуть

развязку. Мы хотели как можно дольше длить это неожиданное и неуправляемое удовольствие. Жесты, ласки, поцелуи, стоны были устремлены к единственной цели: подвести желание к его высшей точке. Когда оргазм сломил наше сопротивление, мое дыхание прервалось, а его лицо застыло. Он упал на меня, мои пальцы забегали по его спине, она все еще вздрагивала.

– Извините, боюсь, я тяжелый.

– Нет, нет, все хорошо, честное слово.

Он поцеловал ямку над моей ключицей, оторвался от меня и улегся рядом. В ту же секунду я обернулась к нему. Он улыбался мягко, умиротворенно. Буря прошла. Он отодвинул прядь волос, упавшую мне на лоб. Я проскользнула поближе к нему и легонько коснулась губ. Он молча придержал меня, я уткнулась лицом ему в плечо и прикрыла веки. Его ласки убаюкали меня, и я в конце концов уснула.

Когда я проснулась, постель была пуста, и это меня ничуть не удивило. Если бы тело не сохранило воспоминаний о наших объятиях и не найди я на подушке записку на листке из гостиничного блокнота, можно было бы сказать себе, что ночь с Паком мне привиделась. Я с усилием уселась, подтянула простыню и принялась читать. Его красивый аккуратный почерк изумил меня.

Благодаря прекрасной незнакомке я смогу рассказать себе перед сном много историй.

Корсар

Я погладила записку, вспомнила о часах, проведенных с ним, и снова легла. Я чувствовала себя счастливой, помолодевшей, легкой. Еще чуть-чуть, и я снова его увижу! Я сияла, радость рвалась наружу, так что теперь придется приложить усилия, чтобы держать профессиональную дистанцию. Не такая уж я дурочка и давным-давно рассталась с мечтами о прекрасном принце. То есть для меня изначально было очевидно, что мы просто провели ночь вместе, и все. Мне было хорошо с этим невесть откуда взявшимся мужчиной, я бы с удовольствием все повторила, но, скорее всего, ничего больше не произойдет. С этой минуты имела значение только работа, “Ангар”, несмотря на то, что последние события спутали карты.

Взяв дорожную сумку, я пошла пешком в “Четыре стороны света” и по дороге позвонила Ноэ.

– Как у тебя дела, мой родной?

– Супер! А как ты, мама?

– Иду на новые переговоры.

– Значит, ты довольна?

Я на мгновение зажмурилась, чтобы сосредоточиться на профессиональной встрече. Только профессиональной и никакой больше.

– Приложу все силы, чтобы получилось как надо...

– Круто! А когда мы поедем в Сен-Мало?

– Не имею представления, – усмехнулась я. – Напишу тебе на обратном пути.

Подойдя к пакгаузу, я положила вещи в машину, покорно дожидавшуюся меня на стоянке со вчерашнего дня. Ни намека на его автомобиль. Я выкурила последнюю сигарету, чтобы совладать с нервами.

Соберись, Рен. Не растекайся.

Легче сказать, чем сделать. Меня приветствовала та же девушка, что накануне, но на сей раз не такая растерянная.

– Он ждет вас в офисе. Пойдемте, я провожу вас.

Я пошла за ней по лестнице, заставляя слушаться ноги, которые отказывались шагать по ступенькам, и стараясь выровнять хаотичные удары сердца. Девушка постучалась и открыла дверь, не дожидаясь ответа.

– Паком, к тебе пришли.

Она отступила в сторону, пропуская меня. Он встал и пошел мне навстречу с вежливо-равнодушной улыбкой.

– Здравствуйте, Рен.

Он протянул мне руку, и я пожала ее вполне по-деловому.

– Добрый день, Паком.

– Хотелось бы услышать, что вчера вы хорошо провели вечер.

Никакой шутливости, ноль тепла в голосе. Правила игры четко обозначены.

– Скорее да.

– Тем лучше. Все в порядке, можешь идти, – сухо бросил он своей ассистентке.

Она озадаченно приподняла брови, и я заподозрила, что такое поведение для него, пожалуй, нехарактерно.

– Увидимся.

Сжав зубы, он упорно смотрел в какую-то точку над моим ухом, пока за девушкой не захлопнулась дверь.

– Мой компаньон скоро подойдет.

Будь у меня сомнения насчет его способности абстрагироваться от вчерашнего, они бы сейчас полностью развеялись. Иными словами, мне оставалось только забыть о прошлой ночи. Он тяжело вздохнул, словно устал. Через несколько мгновений, показавшихся мне вечностью, его жесткий взгляд остановился на мне. По правде говоря, моя обида была сильнее, чем я ожидала, поэтому я выдержала этот взгляд с большим трудом, хотя ни за что бы в этом не призналась.

– В ходе первой ознакомительной беседы я представлю вам нашу деятельность и возможности нашего агентства, а также все, что мы можем предложить конкретно вашей компании. Затем, если вы проявите интерес, подключится Поль или наш проект-менеджер, чтобы обрисовать окончательную картину. Так всем будет удобнее, полагаю.

Пора поскорее выходить из этой неловкой ситуации. Да, поддаться ему, позволить себя соблазнить было с моей стороны глупостью. Поль устроит мне головомойку, и на этом вопрос будет закрыт. Я провожу ночь с потенциальным клиентом в первый и последний раз. Что на меня нашло?! Только что я получила хороший урок – интересный, но весьма болезненный.

– Да черт же подери, – пробормотал он, перед тем как наброситься на меня.

Он схватил меня и принялся целовать так, как сегодня ночью. Когда поцелуй прервался, он прошептал мне на ухо:

– С этого момента я перестану к вам прикасаться, буду контролировать себя и притворюсь, будто ничего не было. Это лучшее, что можно сделать, если мы хотим поработать сегодня утром. Напоминаю вам, мы будем не одни.

Ну и нахал! Кто, интересно, предложил компаньону присоединиться к нам? Кто только что меня целовал? Он. Я не сумела ничего ему ответить. Трудно было определить положение, в которое я попала, а еще труднее угадать, что у него на уме. Он отошел от меня, досадливо качая головой, и указал на кресло:

– Прошу вас, присаживайтесь.

Следующие пятнадцать минут все наши попытки поговорить о работе заканчивались провалом. В кабинете то и дело устанавливалось молчание, напряжение было едва ли не осязаемым, картины прошлой ночи обрушивались на меня одна за другой. Я бы с удовольствием перенеслась в постель, в свой гостиничный номер, вместе с ним. Меня сбивал с ног ветер сво-

боды, пронизывавший меня со вчерашнего дня. А вот чего хочет он, я не знала. Больше всего Паком походил на ветреного ловеласа, причем дьявольски умного. Разве он не соблазнил меня накануне, разве не продолжает соблазнять сейчас? Предоставь он мне возможность, я тут же поддамся его обаянию и прямым ходом проследую в западню.

Чтобы занять время и ослабить напряжение, я стала рассматривать его кабинет. Он был небольшим и отличался одной особенностью, говорящей о многом: его окна выходили на гавань и корабли. На стенах висели карты мира, гравюры на морские темы, в том числе несколько старинных. Это помещение ничем не походило на начальственные кабинеты, где мне приходилось бывать раньше. Но я догадывалась, что Паком не из тех, кто кичится своим положением хозяина – в противоположность владельцам фирм, с которыми я, как правило, имела дело. Он вел себя искренне и не пытался казаться кем-то другим. Притворство не его стихия, в этом я была убеждена. Повсюду валялись образцы кофе, чая, риса, вскрытые коробки, в которых угадывались бутылки. В хаосе, царившем на столе, я разглядела потертый паспорт с разлохмаченными уголками страниц. Он навел меня на мысль, что этот человек готов в любую минуту запрыгнуть в самолет из чистого азарта, просто ради удовольствия открыть какую-нибудь новую специю. Откуда он явился? Что привело его сюда, в Сен-Мало, в этот маленький кабинет, обращенный к морю? Его место не тут, оно – на другом конце света.

Озираясь по сторонам, я боковым зрением следила за ним. Он ерзал в кресле, привстал, снова плюхался в него. Ему явно не удавалось усидеть на месте. Вот он рывком вскочил, обогнул стол, потом оперся о него. Наши ноги соприкоснулись, мы не отводили друг от друга глаз. Такое же желание, как накануне, неконтролируемое, мощное, снова охватывало меня.

– Опоздание – фирменный стиль вашей компании! – поддела его я в попытке вернуть нас к работе и к предмету моего приезда.

– Наверное, подвозил детей в школу, скоро будет, – с притворной небрежностью ответил он.

Потом сдался и протянул ладонь к моему лицу. Провел пальцем по губам, как прошлой ночью, и мои веки сами собой сомкнулись от удовольствия. В это мгновение кто-то постучал в дверь, и мы нехотя отодвинулись друг от друга с внутренним смешком. – Заходи! – позвал Паком, подмигнув мне. – Мы тебя ждем.

Мы приняли более деловой вид. Паком окончательно восстановил дистанцию между нами, а я выпрямилась и поглубже вдохнула, чтобы настроиться на рабочий лад. Нам трудно было отвести друг от друга взгляд, однако ему все же удалось переключить внимание на того, кто стоял у меня за спиной.

– Примите извинения за опоздание, мне очень неприятно, меня задержали...

Глава четвертая

Случаются мгновения, когда все вокруг замирает, а твоя жизнь прокручивается перед тобой целиком за полсекунды. Это очень страшно и выбивает из равновесия, в особенности оттого, что изменить ничего нельзя. Само твое существование четко делится на “до” и “после”. На меня накатило чувство абсолютного одиночества. Все звуки стали приглушенными, деформировались, исказились. Меня бросало то в жар, то в холод. Тело перестало распознавать свои ощущения. В висках отчаянно стучала кровь. Где я? В каком периоде моей жизни? Сколько мне лет? Невозможно! Немыслимо! Этот веселый голос... Нет, тот, что я сейчас услышала, был более серьезным, более властным. И все же интонации были до боли знакомы, они с давних пор жили во мне. Неритмичные фразы. Пропуск вдохов между словами. Разве такое возможно? Почему воображение сыграло со мной такую шутку именно сегодня? Странно, что я припомнила все детали. Ведь это было так давно и так болезненно. Но в то же время так приятно. Некоторые вещи, некоторые люди навсегда оставляют по себе след, хотя ты полагаешь, будто давно похоронила воспоминания о них в самой глубине сознания. Я отчаянно боролась, пытаясь залечить раны от этих воспоминаний, но не могла не понимать, что, сколько бы я ни лезла из кожи вон, они все равно никуда не денутся, потому что выжжены во мне каленым железом. Слишком глубокая татуировка. Вот почему и мой дух, и мое тело так бурно реагировали на простое совпадение, на микроскопическое сходство. Я обязана возвратиться в настоящее, у меня нет другого выбора. Это ужасное секундное замешательство, напугавшее меня, должно отступить. Причем немедленно. Я обязана встать с этого кресла и обернуться. Чтобы подтвердить или опровергнуть наихудшие опасения.

Я с силой оперлась ладонями на подлокотники кресла, но тело будто налилось свинцом, и я призвала на помощь все внутренние силы, чтобы достойно принять реальность. Время, на миг застывшее, постепенно вступало в свои права.

И вот я снова здесь и сейчас. В настоящем.

Но главное, передо мной стоял мужчина, с которым я никогда в жизни не должна была больше пересечься.

Его глаза были такими же ласковыми, как когда-то, а к моим подступили слезы. Чувства, которые я подавляла долгие годы, обрушились на меня. Всплыли мириады воспоминаний. О нашей первой встрече, естественно, но в особенности обо всем остальном. О четырех восхитительных годах, которые последовали за ней. Когда он приходил ко мне на занятия, просто чтобы побыть со мной, когда устроил мне сюрприз – повез на море, – и мы тогда ночевали в жалком номере гостиницы “Формула 1”. Когда я состригала кончики его длинных волос – “совсем немножко, пожалуйста, а то я потеряю индивидуальность”. Когда я потихоньку рисовала его, пока он спал. Он, конечно, изменился. Каштановые волосы были теперь короткими, в них появились серебряные нити, он немного располнел, что, впрочем, было ему к лицу. Щетина оставляла тень на выбритых щеках, а когда мы были молодыми, она практически отсутствовала. Сегодня элегантный костюм с галстуком сидел на нем как вторая кожа, а тогда он щеголял в брюках “милитари” и растянутых свитерах. Он стал мужчиной. Но если не принимать в расчет мелкие признаки зрелости, я как будто рассталась с ним накануне. Он осторожно, но настойчиво разглядывал меня, его рот открылся, словно он собирался что-то сказать, потом закрылся, он пару раз моргнул и снова побоялся заговорить.

– Рен, – наконец прошептал он. – Это мне не снится?

– Никола...

Не нужно было произносить его имя, моим губам стало больно. Его плечи вдруг резко опустились, я не успела ни среагировать, ни даже угадать его намерение, а он схватил меня за запястья и притянул к себе. Несмотря на все перемены и испытания, которые я уже прошла и

которые мне еще предстояли, я словно переместилась в родной дом. Да, он оставил глубокий след во мне, он все еще оставался частицей меня, и я это всегда знала. Я на миг поддалась его объятию, но очень скоро начала задыхаться. Только что я переместилась из рая в ад. Я рывком высвободилась, он не настаивал и лишь провел рукой по лицу, чтобы скрыть смущение.

– Извини, просто... видеть тебя... с ума сойти можно...

Мне хотелось очутиться далеко отсюда. Никогда не приезжать сюда. Почему это свалилось на меня? В случай я не верила. И тем не менее он только что постучался в мою дверь, запертую на три оборота ключа. – Не могу прийти в себя, – выдохнул он в конце концов.

– Сколько времени...

За моей спиной раздался кашель Пакома, я обернулась и похолодела. Его серые глаза потемнели, словно предгрозовое небо. Николая как будто тоже лишь сейчас вспомнил, что мы не одни. Он откачнулся от меня и подошел к компаньону. Они тепло расцеловались. Похоже, они были не просто коллегами по работе, но и друзьями. Мне не потребовались долгие наблюдения, я с первой минуты убедилась в этом. Они были крепко спаяны. Это проявлялось во всем. Две половинки единого целого.

– Извини, – произнес Николай. – У меня малость крышу снесло.

Паком послал ему загадочную улыбку и жестом отмел его извинения. Потом, не обращая на меня внимания, отошел в сторону и широко распахнул окно. По движению его спины я поняла, что он глубоко задышал. Мне захотелось поблагодарить его за то, что он впустил в комнату морской воздух, хотя я бы предпочла выскочить в это открытое окно. Сбежать. Умчаться как можно дальше отсюда.

– Я должен тебе объяснить, – просиял Николай.

Он был единственным, кто не уловил напряжение, сгустившееся в кабинете, его все это скорее забавляло. – Присутствующая здесь Рен... Ты – здесь, это какой-то сюр... Дело в том, что ты уже слышал о Рен, но все это было так давно... до нашего знакомства в Индии.

Индия... Отъезд Николая в Индию, кардинально изменивший мое будущее. Паком погрузился в воспоминания, а потом поднял ко мне изумленное лицо.

– Ух ты... это она?

– Да! Теперь тебя не удивит, что я немного не в себе.

Паком караулил мою реакцию. Получается, их партнерство началось в той далекой стране много-много лет назад. Паком, скорее всего, знал, что Николай был моей первой любовью, а я – его. Нечеловеческим усилием я сохранила присутствие духа.

– Послушай, Рен, – обратился ко мне Николай, – ты знала, что это моя компания, что я – это я?

Знай я это, мы бы никогда не встретились.

– Нет! – почти взвизгнула я, желая защититься. – Не я, а Поль общался с Паком...

– Вы же не рассчитываете, что мы поверим, будто вы, со своей стороны, не собирали информацию о нас? – прервал меня Паком тоном, не терпящим возражений. – Это было бы непрофессионально.

Я изо всех сил старалась отвести от себя подозрения.

– Повторяю, все организовал Поль, – сухо возразила я. – И вам, Паком, это известно. Он, впрочем, упоминал только вас, рассказывая о фирме. Это наш обычный алгоритм: я получаю необходимый минимум информации, чтобы не являться в первый же раз с готовым, возможно, предвзятым мнением, – предпочитаю составить собственное представление о потенциальных клиентах уже на месте. Перед приездом я лишь изучила ваш сайт. А поскольку ваши фамилии на нем не указаны, как нет и ваших фотографий – что, попутно замечу, является серьезной ошибкой, – я не могла ничего такого предположить. То, что произошло сегодня, – чистая случайность.

Николай хлопнул его по плечу и хохотнул:

– Паком! Угомонись, запрещаю тебе нападать на Рен!

Паком кивнул, словно отказываясь спорить с чем-то само собой разумеющимся.

– Прошу меня простить. – Он бросил на меня загадочный взгляд. – А пока мне придется выступить в роли занудного педанта, разрушающего магию вашей неожиданной встречи. Я, однако, подозреваю, что нас ждет работа. Или я ошибаюсь?

– Да, пора браться за дело, – согласилась я.

Мне не терпелось побыстрее со всем покончить и очутиться как можно дальше отсюда.

– Как по мне, всем нам будет полезна чашка кофе, – продолжил Паком. – Сейчас принесу.

И он тут же исчез, мне показалось, ему тоже хотелось удрать. С удовольствием сбежала бы вместе с ним. А вместо этого сидела как на иголках, наедине с Николая, который внимательнейшим образом изучал меня во всех возможных ракурсах, не переставая улыбаться. Я не должна была задаваться таким вопросом, однако это было сильнее меня: интересно, что он думает о той, которая сидит сейчас здесь, перед ним? Я очень изменилась. Наверное, он узнал лишь мои зеленые глаза. Когда мы познакомились, я была худющей, а после рождения Ноэ мои формы округлились. Он помнил меня юной интроверткой с хипповой внешностью студентки художественного училища. Теперь перед ним была сорокалетняя дама, женственная, уверенная в себе, в строгом темном наряде, который ей идет. Он сделал два шага ко мне, и я едва удержалась, чтобы не отступить назад.

– Ты себе не представляешь, как я рад снова увидеть тебя... Нам столько нужно рассказать друг другу.

Ничего не хочу тебе рассказывать. Ни-че-го. Ни слова.

– Да, несомненно... Прошу прощения, мне надо немного освежиться.

– Конечно, конечно, я тебя провожу.

Я вышла из кабинета вслед за ним. По моим наблюдениям, Николая гордился своими владениями, своей маленькой вселенной, своим успехом. Он просто лучился самодовольством. Что-то рассказывал не умолкая, но я его не слушала, я его не слышала, мне было не по себе, меня тянуло к другому концу коридора, где Паком, стоя к нам спиной, ожесточенно колотил кофейным фильтром по урне, вытряхивая остатки гуши. От Николая, похоже, не укрылось, что он, в отличие от друга, мало интересуется меня.

– Не знаю, что с ним такое. У него сегодня плохое настроение. Обычно он у нас само воодушевление, а я, скептик, усмиряю его энтузиазм. Не волнуйся, он скоро успокоится.

Я заперлась в туалете и заметалась по предоставленным в мое распоряжение трем квадратным метрам. Усмирить прерывистое дыхание не получалось. Паническая атака нарастала. Хотелось завопить, а поскольку это было невозможно, я терзалась молча. Все выходило из-под контроля – рушилась жизнь, которую я годами выстраивала для себя. Как сбежать отсюда? Очутиться подальше от Николая? И чтобы всего этого не было? Увы, пути отхода отрезаны. Я смочила ладони холодной водой и потерла виски, заставляя себя дышать глубоко и размеренно. В зеркале отразилась измученная, перепуганная, растерянная, одинокая женщина. Такое состояние было мне не в новинку. Причем прошлый опыт тоже был связан с Николая. Что ж, верну лицу невозмутимость, профессиональную уверенность, решительность и справлюсь с тем, что ждет меня в ближайшие часы, потому что по-другому никак.

Когда я вернулась в кабинет, они ждали меня, сидя рядом и вполголоса переговариваясь. При моем появлении они тут же замолчали. Приятно... В их присутствии, под перекрестным огнем их взглядов я буду чувствовать себя совсем неуютно. Что ж, запускаю автопилот и отключаюсь от всего, кроме работы.

Я вела себя так же, как обычно при обсуждении заказа в любой другой фирме. Излагала суть дела вежливо и уважительно, но была достаточно жесткой – все же за моей спиной школа Поля. Впереди нас ждал огромный, но очень увлекательный проект. Я демонстрировала им

на экране своего ноутбука элементы их корпоративного стиля, которые мы уже успели доработать, повысив заметность и привлекательность фирменного логотипа. Предъявила и некоторые фотографии, сделанные Полем. Я подозревала, что этими клиентами он займется сам. Выступление так захватило меня, что я задышала ровнее и даже забыла на какое-то время, к кому обращаюсь.

– Погоди-ка, – сухо прервал меня Николая, – если я правильно понял, вы с компаньоном хотите нас убедить, что вся наша предыдущая деятельность в сфере коммуникаций лишена смысла?

Он всегда был обидчивым и, судя по первому впечатлению, не изменился.

– Не совсем, но... вы ограничились необходимым минимумом...

Он самодовольно ухмыльнулся:

– Извини, конечно, но цифры свидетельствуют о том, что мы работаем на полных оборотах.

– Я не точно сформулировала. Согласна, цифры доказывают, что у вас все в порядке, однако вашему бренду недостает сексуальной привлекательности, а подача люксовой продукции не пробуждает в потребителе мечты. Простите, господа, если огорчу вас, но вынуждена поставить в известность, что вы выглядите старомодными, замшелыми. Ну да, сейчас все идет неплохо. Но сколько это продлится – вот какой вопрос вам бы следовало себе задать. На этом рынке вы уже не одни. Очень скоро вас могут превзойти молодые энергичные конкуренты, которых ничто не испугает. Зачем отказываться от совершенствования? Почему не поставить себе более амбициозные цели?

Мои слова производили на компаньонов разное впечатление. Паком слушал меня очень внимательно и сосредоточенно, как если бы тоже забыл обо всем остальном, однако мои резкие оценки как будто забавляли его. Николая же, со своей стороны, был недоволен тем, что я посмела поставить под сомнение его компетентность. Они вели друг с другом молчаливый диалог, из которого я была исключена. Его смысл ускользал от меня. И все же доводы, похоже, попали в цель, и через какое-то время Николая сдался. Паком заговорил:

– Окей, предположим, предложение нас заинтересовало. Чего вы от нас ждете в таком случае?

– Готовности в любой момент отвечать на наши вопросы и предоставлять всю необходимую информацию, а также максимум образцов, нужных для создания уникального мира вокруг бренда “Четыре стороны света”.

– С чего начнем?

– Расскажите мне историю вашей фирмы, раз на сайте ее нет...

– Хочешь длинный вариант или короткий? – иронично уточнил Николая.

К нему вернулась самоуверенность. Я нахмурилась, не понимая, о чем это он.

– Если будет рассказывать Паком, понадобится несколько часов.

Я не смогла удержаться и посмотрела на любителя длинных историй, у которого опять, как вчера, было хмурое лицо.

– Могу приложить усилия, чтобы не слишком утомить Рен.

Впервые после того, как Николая снова ворвался в мою жизнь, мне удалось искренне рассмеяться.

– Я вся внимание.

Паком пробыл в Индии уже год, когда приехал Николая. У них, как выяснилось, совпадали идеалы и устремления. У обоих было яростное желание открыть для себя мир, наесться им до отвала, выстроить бизнес и добиться успеха, проявляя при этом уважение к окружающим. При этом Паком был неисправимым мечтателем, тогда как у Николая имелась трезвая голова и он твердо стоял на земле обеими ногами. Свои различия они превратили в общую силу и стали

неразлучны. Продолжая, Паком поднялся с места и сделал знак последовать его примеру. Я послушалась. Он подвел меня к огромной навигационной карте, древней, полностью устаревшей, на которой, однако, был прочерчен путь в Индию. По четырем сторонам света торчали воткнутые в карту булавки, и я догадалась, что так отмечены места, где они побывали вместе. По словам Пакома, в один прекрасный день оба бросили то, чем до этого занимались, и предприняли большое путешествие по Южной Азии. Они вкалывали как каторжные на чайных и кофейных плантациях, чтобы разобраться, как работает этот бизнес, познакомиться с его вызовами и с людьми, которые в нем трудятся, а иногда и умирают от непосильных нагрузок. За время странствий они открывали для себя многочисленные сокровища – плоды земледелия и вскоре пришли к выводу: мы, жалкие обитатели Западной Европы, ограниченные, не видящие ничего, кроме своего мирка, даже не представляли себе, что могут существовать продукты такого качества. Паком описал мне запахи местных растений, ароматы специй и заставил почувствовать их, я даже ощущала вкус на языке, мой нос их вдыхал. Он рассказал, как дует ветер на чайных плантациях – и этот ветер как будто закружил мои волосы, – какие там нежные и чувственные ткани – они как будто скользнули по моему телу, – передал вкус кофе, “настоящего, вы даже не представляете себе, какое впечатление это производит, когда попробуешь его в первый раз”. Слушая его, я почти поверила, что пью этот кофе.

И тогда приятели пришли к выводу, что вот он, рынок, который они способны завоевать, прилагая все усилия, необходимые для соблюдения принципов “справедливой торговли”⁴. Или хотя бы для того, чтобы максимально к ним приблизиться. Шли годы, они – в особенности Паком, как я узнала, – продолжили путешествовать, жили и работали в Южной Америке, в Африке. Они установили множество контактов и заложили фундамент своего бизнеса, сохранив при этом постоянную базу в Индии. Фирма стала набирать обороты очень быстро, настолько быстро, что компаньонам временами казалось, будто они сорвали джекпот. Плечом к плечу они удвоили усилия, рвали жилы, проливали пот и вкладывали в свое дело всю душу. Паком с энтузиазмом и гордостью описывал мне их невероятный взлет, его история вызывала у меня восторг и увлекала в дальние страны. Сегодня они стояли во главе компании, в штате которой была дюжина сотрудников, и имели доли в нескольких предприятиях-поставщиках. Их клиентами были магазины дорогих деликатесов, модные рестораны и престижные отели по всей Франции, с которыми они вели жесткую борьбу за возможность достойно оплачивать труд земледельцев. Они больше не ограничивались чаем и кофе, а импортировали и экспортировали также специи, рис и с недавнего времени ром. В качестве изящной отсылки к вчерашнему вечеру Паком сообщил мне, что недавно ездил на остров Маврикий, чтобы закупить некий особый ром – тот, которым он угощал меня прошлой ночью, даже не попытавшись похвастаться своей находкой, догадалась я.

– А почему вы уехали из Индии? – перебила я его.

Он бросил обвиняющий взгляд на Николая, о котором я уже почти забыла. Исторический экскурс Пакома дал мне возможность перевести дух.

– Спросите у него.

Я обернулась к Николаю.

– Мне захотелось возвратиться в родную страну. Или, если уж совсем честно, я устал от тамошних условий, здесь семейная жизнь проще, удобнее.

– Конечно, – с трудом выдавила я, пытаясь переварить обрушившиеся на меня подробности его жизни.

– Путешественник – Паком, а вовсе не я, – уточнил он.

Я поняла и подумала, что, скорее всего, Николай просто навязал свою волю партнеру.

⁴ “Справедливая торговля” – общественное движение, выступающее, в частности, за справедливую оплату, запрет детского и рабского труда, соблюдение прав человека, защиту и сохранение природы.

– А почему Сен-Мало? – Интуиция подсказала мне, что стоит задать этот вопрос. На мое любопытство откликнулся Паком:

– Сен-Мало – это путешествие, это колониальная торговля, это море.

И это корсары...

Я ему улыбнулась. Мне хотелось, чтобы он продолжал говорить, рассказывать, делиться своей историей, увлекать меня далеко-далеко, подальше отсюда.

– Ну и что скажешь? – поинтересовался Николя.

Я спустилась со своего облака – целиком поддельного – и с сожалением отодвинулась от моего нового источника кислорода. Николя тоже встал, и я пришла к выводу, что и он на взводе – это подсказал знакомый мне нервный тик: если он был чем-то раздосадован, то механически почесывал подушечку большого пальца.

– Тут есть материал, даже много материала, – объявила я. – Из этого наверняка можно сделать нечто интересное и красивое, в особенности подключив Поля. У меня уже уйма идей.

– Когда ты сможешь представить ваши предложения?

– Приеду в Руан и сразу возьмусь за работу.

В какой переплет я умудрилась попасть?! Надо было уходить отсюда любой ценой. И быстро. Прямо сейчас. Исчезнуть. Очутиться где-то в другом месте. Меня накрывала истерика, и я неловкими жестами запихивала вещи в сумку.

– Оставляю вас, мне пора.

Я уже была готова распрощаться с ними, удрать, дать себе волю кричать о своем смятении в замкнутом пространстве автомобиля.

– Ты куда? Сейчас половина первого, давайте пообедаем вместе, – властным тоном предложил Николя. – Ты как, Паком?

– С удовольствием.

Двадцать минут спустя мы сидели в ресторане за столиком с видом на пляж Сийон. Пейзаж, который Паком показывал мне ночью, предстал передо мной совершенно по-новому. И пусть красота и мощь моря сегодня потрясли меня больше, я тосковала по нашей с ним прогулке на дамбе. Мне уже мучительно не хватало вчерашней беззаботности и особой мимолетной легкости. Вернутся ли они когда-нибудь? Вряд ли. По крайней мере сейчас, за столом с ними обоими, большой надежды на это не было. А еще я скучала по скромной обстановке блинной, резко контрастировавшей с атмосферой шикарного заведения, на котором настоял Николя. Я не сомневалась, что ему было важно пустить пыль в глаза. Зря старался – к показухе я глуха, к тому же мне кусок не лез в горло.

– Не могу прийти в себя: ты, тогдашняя студентка художественного училища, теперь совладелица процветающего агентства коммуникаций. Я бы скорее представлял тебя фрилансером в театральном или шоу-бизнесе.

Я с трудом удержалась от хлесткого ответа. Мое подчеркнутое спокойствие в ответ на его насмешливый тон удивил даже меня саму.

– А что ты хочешь! Жизнь распорядилась по-другому... Поль взял меня в студию декоратором в довольно сложный для меня период, и с тех пор мы работаем вместе.

Он наклонил голову набок, демонстрируя повышенный интерес. Пожалуй, я сказала лишнее, надо будет следить за каждым своим словом, за всем, что я им сообщаю.

– Нам понравилось заниматься этим вместе, я увлеклась, смогла совместить работу с тем, о чем мечтала, и со временем превратилась в компаньона Поля.

– А Руан! Тут я вообще ничего не понимаю! Насколько я помню, ты никогда не была горячей поклонницей родной Нормандии.

Вполне возможно, только меня сегодняшнюю ты уже не знаешь...

– Могу только повторить, – хмыкнула я, – что жизнь распорядилась по-своему.

Обмениваясь репликами с Николая, я поглядывала на Пакома, который наблюдал за нами, причем с бесстрастным выражением лица, явно тщательно отработанным. Нездоровое, почти мазохистское любопытство заставило меня задать не дававший мне покоя вопрос, тем более что пора было положить конец допросу, которому меня подверг Николая. Из двух зол...

– Если я правильно поняла, у тебя семья.

Его лицо озарилось гордостью. Мой взгляд остановился на безымянном пальце левой руки – на нем красовалось обручальное кольцо. Почему-то я только сейчас додумалась проверить его наличие. И тут же вспомнила фразу, произнесенную Пакомом до прихода Николая в офис, – в ней фигурировали школа, дети.

– У тебя есть дети?

– Трое.

Я как будто получила мощный удар кулаком в живот.

– И сколько им?

– Саломее десять лет, Адаму шесть, а нашей младшей, Инес, четыре.

Любовь к ним переполняла его счастьем. Мне было легко представить себе картинку: вот он подъезжает в своем “рено-эспас”, вот большой лабрадор радостно встречает его на крыльце богатой виллы, а вокруг носятся трое красивых ребятишек.

– Славная семья...

– Спасибо, а...

– Что твоя жена, – перебила я, – она работает с вами?

– Вовсе нет, Элоиза – медсестра.

– Они встретились в Индии, – уточнил Паком. – Она работала в гуманитарной организации, а потом всюду ездила с нами.

Николя мрачно покосился на него. Я же в душе поблагодарила Пакома. Он сообщил мне, ради кого Николая меня бросил. По крайней мере, это не была минутная связь без будущего.

– Ладно, хватит уже об Индии! – занервничал Николая. – Давай, Рен, расскажи мне...

Не хочу я...

Где-то глубоко внутри шевельнулся страх. Тот самый, который грыз меня уже долгие годы.

– Рен – дама загадочная, – иронично пробормотал Паком словно бы сам себе или с намеком на вчерашний вечер.

Какую игру он затеял? Николая пропустил его замечание мимо ушей и, к моему отчаянию, продолжил гнуть свою линию:

– Ты замужем? У тебя есть дети?

Лицо Ноэ, моего Ноэ, всплыло передо мной, и в груди стало так больно, что я едва не вскрикнула.

– Мальчик.

– Сколько ему?

Чтобы скрыть замешательство, я принялась любоваться морем. Инстинкт самосохранения взял верх над разумом. Такое со мной случалось не впервые.

– Ноэ десять лет.

Слова вырвались сами собой, против моей воли. Они ранили мне рот, сердце, грудь.

– Невероятно, наши дети – ровесники!

Ага... невероятно... притом настолько, что даже неправда.

– Случай, опять же...

– У тебя кто-то есть?

Этого следовало ожидать. Паком заинтересованно вздернул бровь.

– Нет...

Нужно было идти до конца. Быть как можно ближе к правде. Выбора у меня не оставалось.

– Ты не живешь с отцом своего сына?

Что он себе позволяет...

– Нет, я воспитываю его одна.

Я все больше увязала, мне становилось хуже и хуже. Я словно распадалась изнутри – так я это ощущала. Почти физически чувствовала, как от меня отламываются маленькие кусочки, рассыпаются, тают и в конце концов исчезают.

– Рен, мне... очень жаль.

Я видела, что ему безумно хочется выведать побольше, а за его участием кроется жалость. *Бедная Рен, она в одиночку воспитывает сына, тогда как он сумел создать прекрасную семью.* Мне захотелось попросить его заткнуться, перестать хвалиться своей идеальной жизнью, своей идеальной семьей, своей успешностью. Вот только я не имела на это права, это было бы несправедливо, он же ничего не знал. А потом я порывисто выпрямилась. Хватит, я вовсе не ничтожество по сравнению с ним, у меня нет никаких оснований так себя воспринимать. Моя жизнь тоже отлично складывалась. Аккурат до этой минуты...

– Ни к чему нас жалеть. У нас с Ноэ все отлично.

Меня тошнило от себя самой. У стыда был привкус желчи. Меня пронизывала ненависть, отвращение к себе. Неожиданное появление Николая выбило у меня почву из-под ног. С годами – если не брать в расчет последнее время, но тут другая причина – я заново научилась смотреть на себя в зеркало. Теперь это умение ушло в прошлое... Больше мне это не удастся.

– Хочу поскорее с ним познакомиться, – заявил Николая.

– С кем?

– С твоим сыном.

Да никогда!

Естественно, Николая настоял на том, что это он пригласил меня на обед. Не дожидаясь, пока он расплатится, я вышла на улицу. Я задыхалась. К черту вежливость. Мне любой ценой нужно было продышаться. Чтобы не сорваться, я должна вытерпеть еще несколько минут, а потом уже можно будет закричать, выплеснуть ужас последних часов. Паком пошел за мной. Я достала сигарету, он извлек из кармана зажигалку, опередив меня, и щелкнул ею у меня перед носом. Разум подсказывал, что я должна держаться от него подальше, ведь он близок, слишком близок к Николаю. Но я опять потерялась в его серых глазах, мне безумно захотелось, чтобы он снова, как накануне, увлек меня в путешествие.

– Все усложняется, – сказал он. – Плюс лишь в том, что я хоть немного узнал о вас... хотя вы так и остаетесь загадкой.

– А вы? У вас нет детей? Нет жены? Нет привязанностей?

– Свободен словно ветер... Вместе со всем, что это подразумевает...

Это он так предостерегает меня?

– Что вы пытаетесь до меня донести?

– Ничего... Только то, что меня тянет прикоснуться к вам в последний раз, но я не хотел бы, чтобы это заметил Николая, а он знает меня как самого себя.

Он подошел, наклонился и поцеловал меня в щеку, осторожно приобняв за талию, потом на секунду сжал ее сильнее и тут же отошел, не оставив мне времени среагировать.

– До свидания, Рен...

Он удалялся по направлению к морю.

– Паком! – позвал его Николая, который как раз вышел из ресторана. – Ты куда?

– До скорого! – Паком небрежно помахал ему.

– Всегда он такой, Паком Непредсказуемый!

Выглядело это так, будто школьный учитель поругивает нерадивого ученика.

– Вы хорошо дополняете друг друга, – возразила я.

Я тяжело вздохнула, и он вскинулся:

– Что случилось?

– Ничего, лень ехать несколько часов, вот и все.

На самом деле меня огорчило неожиданное исчезновение Пакома, теперь некому сглаживать неловкость между Николя и мной. Не говоря уж о том, что он только что в своей манере положил конец нашему краткому приключению.

– Я провожу тебя до стоянки.

Пять минут показались мне вечностью. Когда мы наконец-то подошли к машине, он принялся меня рассматривать, и увиденное его удовлетворило.

– Рен, я хотел бы, чтобы ты знала... Поверь мне, я абсолютно искренне рад, что обстоятельства снова свели нас с тобой.

– Я тоже, – с трудом выдавила я.

– Значит, ты скоро опять к нам приедешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.